Украденное лицо

Автор:
Тара Бертон

Украденное лицо

Тара Изабелла Бертон

Психологический триллер (АСТ)

Лучшие подруги – богатая и бедная, Лавиния и Луиза.

У Лавинии есть все: деньги, популярность, поклонники. У Луизы – ничего, кроме жажды все получить… и не важно, какую цену придется заплатить за успех.

Но очень скоро Лавиния потеряет самое дорогое, что есть у человека, – жизнь. А Луиза сделает все, чтобы она продолжала жить и дальше – в глянцевой реальности Интернета, с его обманчивым правдоподобием социальных сетей и мобильных приложений.

Но сколько может длиться такой обман? Как долго Луизе удастся жить двойной жизнью – виртуальной жизнью подруги и собственной, в которой она постепенно занимает место Лавинии во всем, даже в сердце ее любимого?

И что случится, когда кто-то начнет задавать вопросы: куда и, главное, ПОЧЕМУ исчезла одна из самых блестящих светских львиц Нью-Йорка – города, который не спит никогда?..

Тара Изабелла Бертон

Украденное лицо

Глава 1

На первую вечеринку, куда Лавиния берет с собой Луизу, она заставляет ее надеть свое платье.

– Я нашла его на улице, – рассказывает Лавиния. – Оно из двадцатых годов прошлого века.

Может, и так.

– Кто-то его просто выбросил. Вот ты веришь?

Луиза не верит.

– Наверное, решили, что это старая рухлядь. – Она надувает губы. Красит их помадой. – И именно в этом проблема большинства людей. Никто не понимает, что значат вещи.

Лавиния поправляет Луизе воротник. Надевает ей на платье пояс.

– В любом случае, как только я его увидела – Господи! Мне захотелось – ну, просто захотелось преклонить колена, понимаешь? Поцеловать землю… А католики целуют землю, или только моряки? Так вот, мне захотелось приложиться губами к тротуару, прямо на чью-то размазанную жвачку, и сказать что-то типа: «Благодарю тебя, Господи, за то, что мир сегодня обрел хоть какой-то смысл».

Лавиния пудрит Луизе щеки. Потом накладывает румяна. И говорит без умолку.

– Типа… как же это все, блин, здорово, да? Типа… Чья-то бабушка или кто-то еще умирает в каком-то неизвестном особнячке в Ист-Виллидж, где за двадцать лет никто даже носа не показывал, а потом все ее старые шмотки выкидывают на улицу, и вот на закате я такая иду по Восточной Девятой улице и нахожу платье. Меня и эту старуху, с которой я никогда не встречалась, разделяют девяносто лет, но у нас обеих есть два дивных романтических вечера, когда мы

были в одном и том же платье. Ой, Луиза, ты разве не чувствуешь, как оно пахнет?

Лавиния тычет в лицо Луизе кружевами.

– В таком платье, – продолжает Лавиния, – можно и влюбиться.

Луиза делает вдох.

– И ты знаешь, что я сделала?

Лавиния рисует Луизе мушку карандашом для бровей.

– Я разделась до нижнего белья… Нет, вру, я и лифчик сняла. Разделась догола, натянула платье, а свое бросила на улице, и в этом платье шла пешком целых полночи до самого Верхнего Ист-Сайда.

Лавиния застегивает Луизе пуговицы.

Теперь Лавиния смеется.

– Пообщаешься со мной подольше, – говорит она, – и я тебе обещаю: с тобой станут происходить всякие вещи. Как они со мной случаются.

Лавиния делает Луизе прическу. Сперва хочет причесать ее, как себя: с беспорядочно и сильно взбитыми локонами. Но волосы у Луизы слишком гладкие и прямые, так что Лавиния забирает их в плотный и аккуратный пучок.

Лавиния обнимает ладонями щеки Луизы. Целует ее в лоб. И рычит.

– Господи, – выдыхает Лавиния. – Да ты красавица. Прямо не могу. Хочется тебя убить. Давай сфоткаемся.

Она достает телефон. Переводит его в режим «зеркало».

– Давай встанем на фоне павлиньих перьев, – предлагает Лавиния. Луиза становится.

– Позируй.

Луиза не знает, как это делается.

– Ой, да ладно тебе. – Лавиния машет телефоном. – Все знают, как надо позировать. Ну, вот так: чуть-чуть выгни спину вперед. Голову наклонить. Сделай вид, что ты звезда немого кино. Вот так. Так… Нет-нет, подбородок вниз. Во-о-от.

Лавиния чуть сдвигает подбородок Луизы. Фотографирует их обеих.

– Последняя фотка лучше всех, – заявляет Лавиния. – Мы классно выглядим. Отправляю фотку в пост. – Она поворачивает телефон к Луизе. – Тебе какой фильтр нравится?

Луиза не узнаёт себя.

У нее гладко причесанные волосы. Темные губы. Высокие, выступающие скулы. Она в свободном платье, у нее кошачьи глаза с накладными ресницами, и выглядит Луиза так, словно из другого века. Похоже, что она даже не совсем реальна.

– Давай возьмем «Мейфэр». Он придает скулам блеск. Господи, ты только посмотри! Ты. Только. Посмотри. Ты же красавица.

Лавиния ставит под фоткой надпись: «Схожи в презрении».

Луиза думает, что это очень остроумно.

Луиза думает: «Я сама не своя».

«И слава богу, – считает Луиза. – Слава богу».

Они берут такси до Челси. Лавиния расплачивается.

На дворе вечер 31 декабря. Луиза знакома с Лавинией десять дней. Это лучшие десять дней в ее жизни.

Дни у Луизы протекают совсем не так.

Дни у Луизы тянутся вот так: она просыпается. И сразу об этом жалеет.

Варианты: Луиза не выспалась. Она работает баристой в кофейне, которая вечером превращается в винный погребок, а также пишет заметки для сайта электронной коммерции под названием «ГлаЗам», торгующего сумочками-подделками под известные бренды, а еще подрабатывает репетитором по отборочным тестам для поступления в колледжи. Она ставит будильник, по крайней мере за три часа до того времени, когда ей нужно где-то быть, потому что живет в самой гуще района Сансет-парк в двадцати минутах ходьбы от линии метро R все в той же сданной в поднаем квартирке, кишащей тараканами, и поезда в метро ломаются через раз. Когда Луизе раз в пару месяцев звонят родители, они непременно спрашивают ее, почему она упорно отказывается вернуться обратно в Нью-Гэмпшир, где тот милейший Вирджил Брайс работает менеджером в местном книжном магазине и все время спрашивает ее новый номер телефона. Луиза непременно вешает трубку.

Она встает на весы. Луиза весит 45 кг 800 грамм (в критические дни). Она очень тщательно накладывает макияж. Подводит брови. Проверяет корни волос. Проверяет баланс карточки (шестьдесят четыре доллара тридцать три цента). Закрашивает тональным кремом выделяющиеся участки кожи.

Смотрится в зеркало.

– Сегодня, – произносит она вслух (когда-то один психоаналитик сказал ей, что подобные вещи всегда лучше проговаривать вслух), – первый день моей оставшейся жизни.

Заставляет себя улыбнуться. Это психоаналитик ей тоже рекомендовал.

Двадцать минут Луиза идет пешком до метро. Не обращает внимания на уличного приставалу, каждое утро спрашивающего, как пахнет ее киска, хотя он, наверное, единственный человек в мире, которого она регулярно видит. Пока едет до Манхэттена, она рассматривает свое отражение в темном вагонном окне. В те времена, когда Луиза была уверена, что станет великой писательницей и оставит значимый след в истории, она брала с собой блокнот и писала в поезде рассказы, но теперь она слишком устает и, скорее всего, никогда не станет писательницей. Так что она читает в телефоне зубодробительные статейки с ресурса «Мужененавистничество», а иногда наблюдает за людьми (Луиза любит наблюдать за людьми, это ее успокаивает: когда много времени сосредоточиваешься на неприятностях других людей, меньше переживаешь по поводу собственных проблем).

Луиза отправляется работать баристой или в «ГлаЗам», или же дает урок по отборочным тестам.

Больше всего ей нравятся уроки. Когда она говорит с тщательно поставленным восточным произношением, собирает в пучок очень аккуратно покрашенные белокурые волосы и тонко намекает на то, что училась в Девоншире, штат Нью-Гэмпшир, Луиза получает восемьдесят долларов в час плюс удовольствие от того, что кого-то обдурила. Вот если бы Луиза и вправду обучалась в Девонширской академии, подготовительной школе-интернате, а не просто в муниципальной средней школе, она бы получала в час двести пятьдесят долларов, но родители, способные платить подобные деньги, всегда очень тщательно проверяют резюме репетиторов.

Луиза заканчивает работу.

Она смотрится в зеркальце в телефоне, причем несколько раз, чтобы убедиться, что она еще жива. Заходит на сайт знакомств, хотя очень редко отвечает тем, кто ей подходит. Был один парень, который в Сети казался настоящим феминистом, но выяснилось, что он практикует ни к чему не обязывающие случайные связи. А у другого частенько случались заскоки, которые почти всегда казались ей граничащими с оскорблениями. А вот один попался по-настоящему классный, но он два месяца писал в ее профиле от ее имени. Иногда Луиза подумывает, не начать ли встречаться с кем-то новым, но это кажется еще

одним способом, чтобы потенциально облажаться.

Иногда, если Луизе за неделю заплатят наличными, она отправляется в шикарный бар в гостиницах «Клинтон» или «Ривингтон», или же куда-нибудь в Верхний Ист-Сайд.

Она заказывает лучший напиток, который может себе позволить (Луиза, вообще-то, совсем не может позволить себе выпивать, но даже она иногда заслуживает милых развлечений). Она очень-очень медленно его потягивает. Если она не поужинает (Луиза почти никогда не ужинает), то захмелеет сильнее, что приятно, поскольку, когда Луиза выпивши, она забывает непреложный факт, что однажды испортит все и вся, если еще этого не сделала. Может, оттого, что она почти сразу же лишается работы, и ее отовсюду выгоняют, или же она толстеет на восемь килограммов, потому что слишком устает, чтобы делать зарядку, и потом даже уличный приставала не захочет ее трахнуть. Или же оттого, что она заработает рак горла от бесчисленного количества раз, когда заставляет себя выблевывать съеденное, или потому, что она подхватит более редкую и экзотическую форму рака, так как постоянно красит волосы в ванной без вентиляции. Или же она облажается, разблокировав Вирджила Брайса в социальных сетях. Или заведет отношения, в которых человек, кажущийся хорошим на сайте знакомств, захочет спасти ее. Или задушить. А она станет делать все, что он ей скажет, потому что другой способ облажаться – это умереть в одиночестве.

Она ждет, пока протрезвеет (другой вернейший способ облажаться – стать одинокой пьяной женщиной вечером в Нью-Йорке), а потом едет на метро домой. И хотя Луиза больше уже не пишет в блокноте, если она еще достаточно «подшофе», чтобы ощущать, что конец света случится не вдруг, она говорит себе, что завтра, когда ее чуточку отпустит усталость, она все-таки напишет рассказ.

Говорят, что если к тридцати годам ты в Нью-Йорке ничего не достиг, то так ничего и не достигнешь.

Луизе двадцать девять.

Лавинии двадцать три.

Знакомятся они вот как.

Сестре Лавинии Корделии шестнадцать лет. Она учится в Нью-Гэмпшире в подготовительной школе-интернате, не в Девонширской академии, а в одном из конкурирующих заведений. Приехала домой на рождественские каникулы. Их родители живут в Париже. Лавиния обнаружила одну из рекламных листовок Луизы («Нужен репетитор по отборочным тестам? Есть такой!») в книжном магазине на углу Девяносто третьей улицы и Мэдисон-авеню, который устраивает рождественскую вечеринку с бесплатным шампанским, куда Луиза три года стремится попасть, хоть и далеко живет, чтобы просто выпить забесплатно, посмотреть на богатые, счастливые семьи и самой почувствовать себя богатой и счастливой.

– Боюсь, что я ничегошеньки не знаю, – говорит Лавиния по телефону. – Но Корди – просто умница. И я уверена, что испорчу ее, если только мне кто-то не помешает. Ну, вы понимаете, о чем я. Благотворное влияние. В любом случае она пробудет здесь еще неделю, прежде чем отправится на Рождество в Париж, мы уже просмотрели все диски с фильмами Ингмара Бергмана, что нашлись в доме, и сейчас меня просто распирают идеи, как уберечь ее от воздействия улицы. Я смогу вам заплатить. Вы мне скажите, сколько люди платят за подобные вещи?

– Сто пятьдесят в час, – отвечает Луиза.

– Годится.

– Приступлю сегодня вечером, – говорит Луиза.

Лавиния живет в занимающей целый этаж квартире в особняке на Семьдесят восьмой улице между Парк-авеню и Лексингтон-авеню. Добравшись до крыльца со ступенями, Луиза слышит, как из раскрытого окна ревет какая-то опера, а Лавиния фальшиво подпевает, и именно так Луиза догадывается, что Лавиния обитает на втором этаже, даже не глядя в надписи рядом со звонками.

Во всех оконных ящичках у Лавинии цветы. И все завядшие.

Лавиния открывает дверь, облаченная в черное платье без рукавов, целиком сшитое из перьев. У нее длинные, до пояса, волосы. Растрепанные, жесткие, она несколько дней их не расчесывала, но они такого белокурого оттенка, которого Луиза долго добивалась, экспериментируя с красками для волос из ближайшей аптеки. Вот только это ее естественный цвет. Она невысокая, но худая (Луиза пытается вычислить, насколько именно худая, но мешают перья), и она впивается в Луизу таким пронзительным взглядом, что та машинально отступает назад, чуть не налетев на вазу с завядшими лилиями.

Лавиния этого не замечает.

– Слава богу, вы приехали, – произносит она.

Корделия сидит в столовой. Волосы у нее заплетены в толстую косу с лентами и шпильками. Она не отрывает глаз от книги.

Все стены увешаны старинными ручными веерами. Еще на стене висит вышитый золотом восточный халат, напудренный парик красуется на голове манекена с нарисованными губной помадой чертами лица. Повсюду комнату украшают раскрашенные карты таро – Верховная Жрица, Крепость, Глупец – в ржавых рамках стиля ар-нуво. Стены выкрашены в благородный ярко-синий цвет, кроме лепных украшений, которые Лавиния сделала золотыми.

Лавиния целует Луизу в обе щеки.

– Убедитесь, что в десять вечера она ляжет спать, – говорит она и уходит.

* * *

– Вот так она поступает.

Корделия наконец отрывает глаза от книги.

– Вообще-то, она не такая уж и рассеянная, – продолжает она. – Таково ее чувство юмора. Она думает, что это забавно – поддразнивать меня. И вас.

Луиза ничего не отвечает.

– Извините, – говорит Корделия. – Я уже начала заниматься. – При улыбке уголки губ у нее изгибаются.

Она заваривает Луизе чай.

– Можете выпить с шоколадом и ванилью или же с фундуком, корицей, грушей и кардамоном, – предлагает она. – Нормального чая у Винни нет.

Она подает его в замысловато расписанном заварочном чайнике («Он из Узбекистана», – объясняет Корделия. Луиза не уверена, шутка это или нет). Она ставит на стол поднос.

Корделия забывает чайную ложку, хотя в сахарнице ложка есть, но после второй чашки Луиза понимает, что если она помешает чай, то намочит ложку и испортит сахар. Если она оставит ложку сухой, сахар осядет на дно чашки.

Луиза потягивает чай без сахара. Она на секунду задумывается, не попросить ли еще ложечку, но нервничает при одной мысли об этом, поэтому вообще ничего не говорит.

Они выполняют тесты по семантике: какая разница между словами «тусклый», «лаконичный» и «скорбный»? По математике: все виды египетских треугольников и плоскостные фигуры различных начертаний. Корделия верно отвечает на все вопросы.

– Я собираюсь в Йельский университет, – говорит она так, словно это уже решено. – А потом в университет при римском понтификате для получения степени по теологии. Я намереваюсь стать монахиней.

Затем:

– Извините.

– За что?

– Я вас подначиваю. Не надо этого делать. Хочу сказать… я действительно хочу стать монахиней. Но даже и так.

– Ничего страшного, – отвечает Луиза.

Она выпивает еще чашку несладкого чая с фундуком, корицей, грушей и кардамоном.

– Я чувствую себя виноватой, – продолжает Корделия. – В том, что держу вас здесь. Вообще-то, репетитор мне не нужен. Не огорчайтесь… я в том смысле, что вы прекрасно знаете свое дело. Извините. Просто… я все это уже знаю. – Она пожимает плечами. – Может, Винни и вправду очень хочет, чтобы вы были моей сиделкой. Только… к десяти она не вернется.

– Ничего страшного, – отвечает Луиза. – Полагаю, ты сама знаешь, когда тебе ложиться спать.

– Дело не в этом. – Корделия снова улыбается своей странной полуулыбкой. – Винни же за все платит.

Корделия с Луизой молча сидят на диване до шести утра. Корделия надевает домашний халат, покрытый кошачьей шерстью (кошки нигде не наблюдается), и читает изданную в бумажной обложке книгу Джона Генри Ньюмена «Апология своей жизни». Луиза углубляется в завлекательные статейки с портала «Мужененавистничество» у себя в телефоне.

Она очень устала, но хочет получить четыреста пятьдесят долларов куда сильнее, чем хочет спать.

Лавиния возвращается домой на рассвете, укутанная в перья.

– Ужасно, просто ужасно извиняюсь! – восклицает она. На пороге она спотыкается. – Разумеется, я оплачу часы. Каждый час. До единого.

Она защемляет юбку дверью. Юбка трещит.

– Господи.

Перья рассекают воздух, падая на пол.

– Всех милых птенчиков, – причитает Лавиния. Она становится на четвереньки. – Как? Всех моих милых птенчиков и их наседку?

– Я воды принесу, – говорит Корделия.

– Это дурной знак. – Лавиния падает, уже смеясь, зажав в руке черное перо. – Он означает смерть!

Луиза вытаскивает из-под двери разлетевшиеся перья.

– Нет, не надо! Пусть лежат!

Лавиния хватает Луизу за запястья и втаскивает внутрь.

– Оно погибло благородной смертью. – Лавиния икает. – Это платье… оно пало в битве. – Волосы ее расстилаются по полу до самого дорожного кофра, который она превратила в журнальный столик. – И в какой битве! Ой… как вас зовут, простите?

– Луиза.

– Луиза! – Лавиния снова дергает ее за руку, но уже весело. – Как Лу Саломе (Луиза не знает, кто это). Луиза! У меня была прекрасная, прекраснейшая ночь на свете. Просто дивная ночь. Понимаете?

Луиза вежливо улыбается.

– Не понимаете?

Луиза мнется.

– Я снова во все верю, Луиза! – Лавиния закрывает глаза. – В Бога. И в славу. В любовь и в пыль со звезд… Господи, я обожаю этот город.

Корделия ставит на дорожный кофр стакан воды.

Но Лавиния пробирается к дивану. Она полна блаженства и потемнела от блеска, и посветлела от иного сияния, а Луиза не знает, что сделать или сказать, чтобы понравиться Лавинии, но она научилась наблюдать за людьми и знает, что им нужно. Поэтому, как всегда, она находит нужное начало:

– Знаете, я могу его зашить.

Лавиния садится.

– Что зашить?

– Это же только кайма. Я могу пришить ее обратно. Если у вас найдутся иголка с ниткой.

– Иголка с ниткой? – Лавиния глядит на Корделию.

– У меня в комнате, – отвечает Корделия.

– И вы можете его зашить?

– В смысле… если вы захотите.

– Если я захочу? – Лавиния подбирает юбки. – Лазарь, восстань из мертвых. – Она собирает их на коленях. – Явился я сказать тебе! – Отдергивает руки назад. – Ой, я очень-очень!.. Извините.

– Не стоит, – говорит Луиза.

– Я знаю… знаю… вы, наверное, считаете меня посмешищем.

– Я не считаю вас посмешищем.

– Вы уверены?

Луиза не знает, каких слов ждет от нее Лавиния.

– В смысле…

Лавиния даже не ждет окончания фразы:

– Вы меня не осуждаете?

– Я вас не осуждаю.

– Вы уверены?

Луиза отвечает очень медленно:

– Да, я уверена.

– Ну, нас… Нас было-то всего ничего. Я, отец Ромилос и Гевин. Гевин – самовлюбленный социопат. Он как-то сам мне говорил. Чудеснейший на свете человек, но, строго говоря, самовлюбленный социопат. Так вот, мы решили посмотреть, можно ли проникнуть в Ботанический сад. И оказалось, что можно! Глядите!

Она показывает Луизе фотографию. Лавиния, православный священник и лысый мужчина в водолазке полулежат на живой изгороди.

– Отец Ромилос – это который в рясе, – поясняет она.

– А там в это время года даже есть какие-то цветы? – Возвращается Корделия со швейными принадлежностями. Она протягивает их Луизе.

– Больше всего на свете обожаю куда-нибудь проникать! Это так бодрит и оживляет – стать кем-то, кем тебе быть нельзя. Однажды мы попались, нам

пришлось заплатить жуткий штраф в зоопарке при Центральном парке, но зато сколько всего! Ой, вот только не смотрите на меня так.

– Как?

Луиза пришивает кайму. Она даже глаз не поднимает.

– Как будто вы думаете, что я – полный ужас.

– Я так не думаю, – отвечает Луиза.

А думает она вот что:

«Лавиния ничего не боится».

– Я не упилась, понимаете? – говорит Лавиния. Она взмахивает волосами – своими длинными, жесткими, дивными волосами – и они падают на плечо Луизе. – Клянусь. Знаете, что сказал Бодлер?

Луиза делает на кайме очередной стежок.

– Бодлер сказал, что нужно упиваться. Вином. Поэзией. Добродетелью – чем понравится. Но упиваться.

– Винни упивается добродетелью, – замечает Корделия.

Лавиния фыркает.

– Это всего лишь просекко, – оправдывается она. – Даже Корди пьет просекко. Мама нас заставляет.

– Презираю алкоголь, – подмигивает Корделия Луизе, собирая с диванных подушек остатки перьев. – Это порок.

– Господи, вот вас она не достает? – Лавиния задирает ноги на дорожный кофр. – Бьюсь об заклад, что ты даже в Бога не веришь, верно, Корди? Вот так она

целый год гундит – верите, нет? А до этого она была вегетарианкой. А… Боже мой, да вы просто талант!

Она замечает пришитую Луизой на место кайму.

– Вы костюмер? У меня есть подруга-костюмер. Каждый год она сооружает для венецианского карнавала костюмы восемнадцатого века.

– Я не костюмер.

– Но шить же вы умеете.

Луиза пожимает плечами:

– Много кто шить умеет.

– Никто шить не умеет. А что еще вы умеете?

Этот вопрос застает Луизу врасплох.

– Не очень много.

– Не врите мне.

– Что?

– Вы особенная. У вас на лбу печать гения. Я ее разглядела – как только вас увидела. И вы… Вы тут с Корди дежурили, так ведь? Всю ночь. Вот это что-то.

Луиза никакая не особенная. Она это знает. И мы это знаем. Ей просто нужны четыреста пятьдесят долларов.

– Вы актриса? Для актрисы вы достаточно красивая.

– Я не актриса. (Для актрисы Луиза недостаточно красивая.)

– Художница?

– Нет.

– Тогда вы писательница!

Луиза теряется.

Она теряется потому, что вообще-то нельзя называть себя писательницей, если не написала ничего, что бы кому-то понравилось, и тебя напечатали. Если ты даже не написала того, что тебе понравилось бы самой предложить кому-то для публикации. Если в Нью-Йорке слишком много писателей-неудачников, над которыми смеются. Но она теряется достаточно долго, прежде чем ответить «нет», чтобы Лавиния за это ухватилась.

– Я так и знала! – Она хлопает в ладоши. – Так и знала! Конечно же, вы писательница. Вы – женщина слов. – Она быстро перебирает карточки со словами: облегчать, отстаивать, одобрять. – И не стоило мне в этом сомневаться.

– Ну, в смысле…

– А что вы написали?

– Ну, знаете… немного. Всего-то пару рассказов и так, по мелочи.

– О чем они?

Теперь Луиза боится по-настоящему.

– Ой, понимаете… О Нью-Йорке. О девушках в Нью-Йорке. Что все пишут. Ерунда всякая.

– Не смешите меня! – Лавиния впивается горящими и сверкающими глазами. – Нью-Йорк – величайший в мире город! И, конечно же, вам хочется о нем написать!

Рука Лавинии так крепко сжимает ее запястья, Лавиния смотрит на нее так пристально и хлопает глазами так невинно, что Луиза не может заставить себя обмануть ее ожидания.

– Вы правы, – отвечает Луиза. – Я писательница.

– Я никогда не ошибаюсь! – хвастается Лавиния. – Корди говорит, что у меня какое-то чутье на людей: я всегда чувствую, что человек окажется интересным. Это как телепатия, но с поэтическим привкусом – от этого что-то случается. – Она, как кошка, растягивается на диване. – Знаете, я ведь тоже писательница. В том смысле… Сейчас вот работаю над романом. А вообще-то я в творческом отпуске.

– В творческом отпуске?

– От колледжа! Вот поэтому я и здесь. – Она пожимает плечами. – Живу в запустении, сами видите. Я взяла год, чтобы закончить роман. Но проблема моя в том, что во мне совершенно нет дисциплины. Я не такая, как Корди. Она прямо умница. – (Корди снова, не отрываясь, читает своего Ньюмена). – Я просто хожу по вечеринкам. – Лавиния зевает, долго и со вкусом. – Бедная Луиза, – произносит она. – Я вам весь вечер испортила.

В окна пробивается свет.

– Все нормально, – отвечает Луиза. – Не испортили.

– Ваш дивный пятничный вечер. Ваш дивный зимний пятничный… и прямо в праздники. У вас, наверное, планы были. Рождественская вечеринка, верно? Или свидание.

– Не было у меня свидания.

– А что вы тогда планировали? Прежде чем я все напрочь расстроила?

Луиза пожимает плечами:

– Не знаю. Собиралась домой. Может, телевизор посмотреть.

По правде говоря, Луиза планировала выспаться. Сон – самое соблазнительное, что может прийти ей в голову.

– Но ведь Новый год на носу!

– Вообще-то я редко куда выхожу.

– Но это же Нью-Йорк! – таращит глаза Лавиния. – А нам всего-то двадцать с небольшим!

Куда-то выходить – дорого. Так долго возвращаться домой. И за все надо платить. Слишком холодно. На станциях метро – лужи. Такси она себе не может позволить.

– Пойдемте со мной, – заявляет Лавиния. – Я поведу вас на вечеринку!

– Прямо сейчас?

– Конечно же, не сейчас, глупышка – я что, спятила? В гостинице «Макинтайр» устраивают встречу Нового года – это будет просто класс. Собираются задать лучшую из всех вечеринок. И я вам должна. За все те лишние часы – я вам должна проценты.

– Ты должна ей сто пятьдесят в час. – Корделия подает голос из кресла. – С семи до… – Она смотрит на часы. – До семи.

– Вот ведь блин! – Лавиния ругается так резко, что Луиза вздрагивает. – Я все наличные отдала уличному музыканту. Он играл «Нью-Йорк, Нью-Йорк» у эстрады в парке. «Мы очень устали и развеселились».

Она садится прямо.

– Вот теперь вы просто должны пойти, – заявляет она. – Если мы с вами больше не увидимся, я не смогу расплатиться с вами за работу.

Она так восторженно улыбается.

– Я должна вам больше, чем деньги, – продолжает она. – Я должна вам самую дивную ночь вашей жизни.

* * *

Это первая вечеринка, куда Лавиния ведет Луизу, и самая лучшая, та, к которой Луиза не перестанет мысленно возвращаться. Она отправляется туда в платье Лавинии из 1920-х годов (на самом деле это копия, сделанная в 1980-х годах и купленная в магазине, но Луиза этого не знает), которое она нашла на улице, потому что подобные вещи все время происходят с людьми вроде Лавинии Вильямс.

Гостиница «Макинтайр» – вообще-то, не совсем гостиница. Это нечто среднее между складом, ночным клубом и сценической площадкой в Челси. На шести этажах – примерно сто помещений. Половина из них убрана под гостиничные номера с привидениями из Великой Депрессии, но на верхнем этаже еще есть лес и целый сумасшедший дом, где Офелия лишается рассудка (там также ставят «Гамлета», но полностью без текста). И Луиза узнаёт, что актеры иногда заводят вас в потаенные спальни или часовни, целуют вас в щеку, в лоб или в губы, однако билеты стоят по сто долларов на одно лицо (и это без учета чаевых в гардеробе и десятидолларовой наценки при предварительном заказе), так что Луиза никогда там не была, чтобы лично в этом убедиться.

Иногда по вечерам, по дивным, особенным вечерам, там дают костюмированные приемы с открытым до утра баром и маскарадом по принципу «поцелуй-маска-я-тебя-знаю», когда все наряжаются и разбредаются по лабиринту связанных между собой комнат, когда на каждом этаже – своя звуковая система, и даже в сумасшедшем доме все ванные полны людьми, занимающимися любовью.

Раньше Луиза никогда не была на подобных вечерах.

Не волнуйтесь. Побывает.

Вот что происходит в «Макинтайре» в том порядке, что имеет для Луизы какой-то смысл: красный бархат, страусовые перья, бокалы с шампанским, люди в больших очках с надписью «С Новым 2015 годом!», люди, делающие селфи, женщина в платье с оголенной спиной, украшенном блестками, поющая песню Пегги Ли «И это все, что есть?», делающие селфи люди. Лавиния. Женщина в смокинге. Мария-Антуанетта. Кто-то в костюме укротителя львов. Лавиния.

Люди в строгих вечерних костюмах. Люди в собственных, а не взятых напрокат вечерних костюмах. Люди в корсетах. Люди в женском белье. Лавиния.

Мужчина в рясе («Не говори ему, что я тебе все рассказала, но он на самом деле расстрига»). Женщина ростом метр восемьдесят, одетая лишь в накладки на соски и перья с самым резким нью-йоркским прононсом, который Луизе доводилось слышать («В стриптизе ее зовут Афина Мейденхед. Ее настоящего имени я не знаю»). Лысый мужчина в черных джинсах в обтяжку и водолазке – единственный без костюма, который, похоже, этого не замечает («Это Гевин. Он ведет электронные таблицы на всех женщин, с которыми встречается»). Лавиния.

Лавиния танцующая. Лавиния пьющая. Лавиния, делающая очень много фоток, тащащая Луизу за собой, прижимающаяся так близко, что Луиза слышит запах ее духов. Делают их для Лавинии, как Луиза однажды узнает, в китайском заведении на Восточной Четвертой улице, и пахнут они лавандой, табаком, инжиром, грушами и всеми красотами мира.

Пегги Ли поет строчку «И это все, что есть в огне?», Луиза осушает бокал шампанского, словно это рассол, и тут же начинает нервничать, потому что когда она пьет, она перестает сосредоточиваться на том, как бы не облажаться, а перестав сосредоточиваться, Луиза лажает больше всего, но Лавиния обнимает ее за талию, а другой рукой едва не опрокидывает бутылку джина «Бомбей Сапфир» прямо в переполненный рот Луизы. И хотя Луиза не из тупых, она научилась наблюдать за людьми и очень осторожна – всегда настороже! – давящая ей на спину рука Лавинии заставляет ее подумать, что если конец света и наступит, то он вполне может случиться сегодня вечером.

– Друзья! Римляне! Соотечественники! Принесите еще джина!

Лавиния. Лавиния. Лавиния.

Когда Луиза жила в Нью-Гэмпшире, она часто представляла, что, попав в Нью-Йорк, станет ходить на такие вот вечеринки.

Когда они с Виргилом Брайсом стояли на железнодорожном мосту и она просила потрогать ее за грудь, а он великодушно соглашался, они говорили о том, как им вместе сбежать из дома (ему хотелось жить в Колорадо и иллюстрировать комиксы-манга), и он напоминал ей, как жесток мир, а она пыталась ему объяснить, что Нью-Йорк ни на что не похож.

Не важно, такая уж ли ты особенная, говорила она, или даже ты не очень красивая, пусть и по стандартам Девоншира, штат Нью-Гэмпшир, главное – уметь хотеть. Город подхватит тебя и вознесет к небесам навстречу твоим затаенным надеждам и желаниям. Каждый праздник каждым вечером в этом огромном, сверкающем и сияющем городе заставит тебя чувствовать себя так, словно ты – единственная во всем мире, и к тому же самая неповторимая и любимая.

Мы с вами, конечно же, знаем правду.

Мы знаем, как легко все подстроить. Всего-то и нужно: приглушенный свет, пара танцовщиц с накрепко приклеенными по краям корсетов дешевенькими перьями, а еще – заставить людей пить дальше.

Но девушки вроде Луизы этого не знают. Пока не знают.

Это самая счастливая Луиза за всю ее жизнь.

Девять часов. Лавиния, Луиза, Гевин Маллени, отец Ромилос, Афина Мейденхед и множество других безымянных людей танцуют чарльстон прямо на сцене под люстрой размером с жирафа.

– А нам на сцену-то можно? – спрашивает Луиза, но Лавиния не слышит ее за грохотом музыки. Два воздушных гимнаста сплетаются телами, задевая хрустальные висюльки люстры, Афина сбросила свои перья, и между ее кожей и

потом остальных нет ничего, кроме двух накладок на соски и покрова на причинное место в форме луны.

– Решительность Нового года! – ревет Лавиния. – Пусть все решится: мы осушим чашу до дна.

Платье у Лавинии съехало с плеча, показалась грудь. А ей все равно.

И тут две руки закрывают Луизе глаза. Кто-то целует ее в шею.

– Угадай, кто это? – шепчет она, дыша Луизе в ключицу.

Луиза резко оборачивается.

Девушка очень растеряна.

– Но…

– Мими? – Лавиния прекращает танцевать. Она не улыбается.

– Но-твое-платье. – Голос у девушки громкий, монотонный и неестественный, словно она произносит реплику из пьесы по школьной программе. – Я думала, – смеется она. Смех такой же неестественный и такой же громкий. – Ты-понимаешь? – На ее губах повисает отчаянная улыбка. – Она-взяла-твое-платье!

Никто не произносит ни слова.

– Извини-я-опоздала, – продолжает она. – Сеанс-очень-затянулся. А-потом-я-не-могла-найти-изящное-нижнее-белье.

И снова никакой реакции.

– Он-говорит-что-у-меня-невротическая-депрессия.

Оглушительно гремит музыка. Девушка наклоняется поближе. Она очень напряженно мигает.

– Я-сказала: Он-говорит-что-у-меня-невротическая-депрессия.

Ничего. Ни даже кивка.

– Знаешь-ее-даже-в-справочнике-нет.

Отец Ромилос виновато кивает в ее сторону, и это даже хуже, думает Луиза, чем если бы ее вообще никто не узнал.

Самое плохое то, что она по-прежнему улыбается.

Даже когда подходит к Лавинии. Даже когда Лавиния отшатывается от нее.

– Я по тебе скучала, – произносит она.

Девушка быстро бросается к Луизе.

– Это я, – говорит она. – Я.

– Что?

– Мими, – отвечает та, словно Луиза должна ее знать.

– А-а, – произносит Луиза.

Мими протягивает ей телефон. Обвивает руками шею Лавинии.

– Сфоткай нас!

Лавиния не улыбается.

Мими выхватывает у Луизы телефон. Быстро пролистывает фотографии.

– Мы прекрасно смотримся, – заявляет она. – Я их все выложу.

Теперь уже десять часов. Теперь светит полная луна.

– Пообещай мне кое-что, – говорит Лавиния. Они курят на крыше, они внутри живой изгороди, лабиринта или чего-то, заполненного розовыми кустами, которые еще цветут, несмотря на мороз. Луиза понятия не имеет, как они сюда попали.

– Я хочу как следует встретить 2015 год. Хочу, чтобы все было, как надо. Хочу, чтобы этот год выдался лучше прошедшего. – Она выдыхает дым. – Должен выдаться. (Здесь больше никого нет, ни Мими, ни Гевина, ни отца Ромилоса, ни Афины Мейденхед, но Луиза не помнит, что как-то с ними прощалась.)

– Конечно, – соглашается Луиза.

– Я хочу ночью почитать с тобой стихи.

Сначала Луиза решает, что Лавиния шутит. Но та сжала губы и не улыбается: такой серьезной Луиза ее еще не видела.

– Только не дай мне забыть, ладно?

– Ладно, – отзывается Луиза.

– Обещаешь?

– Да, – говорит Луиза. – Обещаю.

Луиза не может вспомнить ни одного стихотворения.

Лавиния достает из сумочки ручку. Пишет у себя на руках: БОЛЬШЕ ПОЭЗИИ!!! Буквы выходят вкривь и вкось. Еще пишет то же на руках у Луизы.

– Вот, – говорит Лавиния. – Теперь мы не забудем.

Они вместе глядят на город. На небе так много звезд, хоть Луиза и знает, что некоторые из них наверняка просто нью-йоркские огни.

– Эй, Луиза? – Лавиния выдыхает спиральки дыма.

– Да?

– А ты что загадала в Новый год?

Луиза много чего загадала: поменьше есть, похудеть, побольше зарабатывать, найти работу получше, написать рассказ, наконец-таки написать рассказ, написать, блин, рассказ и куда-нибудь его послать, если хватит сил, перестать читать «Мужененавистничество» в четыре часа ночи, когда не спится, хоть иногда почитать бумажную книгу, может, может, написать, блин, рассказ.

– Не знаю. (Стать менее занудной – добавим.)

– Да перестань – мне-то уж можно сказать!

Она говорит как будто от души. Говорит так, будто Луизе ничего не угрожает.

Луизе хочется ей верить.

– Да глупости одни, – отвечает Луиза.

– А вот и не глупости! Ставлю сотню, что не глупости.

Строго говоря, Лавиния должна Луизе от четырехсот пятидесяти до тысячи восьмисот долларов в зависимости от того, считает ли Луиза часы, проведенные с Корделией в ожидании, пока Лавиния вернется домой, но Луиза больше ничего не считает.

– Я хочу послать один из рассказов. Если хорошо получится.

Луиза очень боится, что после этих слов ей придется так и поступить.

– В журнал?

– Да.

– А ты раньше их не посылала?

– Нет. То есть да. Но много лет назад.

– Держу пари, что они блестящи, – заявляет Лавиния. – Бьюсь об заклад, что они гениальны. Спорю на всё, что все тебя полюбят.

– Да ладно, это не…

– Не перечь мне. У меня предчувствие. Я это знаю. – Лавиния откидывает свои бесконечные волосы.

– А ты что решила?

Лавиния стряхивает с сигареты последний горячий пепел.

– Да то же, что и каждый год. То же, что стану решать, пока не умру. – Она глубоко и сладко вздыхает. – Я хочу жить, – произносит она. – В смысле жить, жить по-настоящему. Знаешь, что говорит Оскар Уайльд?

Луиза не знает, но догадывается, что что-то афористичное.

– Он говорит: «В работу я вкладываю талант, а в жизнь – гений». Вот и я того же хочу. Или, может, ты думаешь, что это банально? – Она едва не выплевывает последнее слово.

– Нет-нет!

– Наверное, банально. Ну и плевать. Мне все равно. Вот чего я хочу.

* * *

Теперь уже одиннадцать часов. Теперь она снова на танцполе, и все на танцполе целуются между собой. Все, кроме Лавинии, стоящей по центру в лучах софита и танцующей в одиночестве.

– Какой-классный-заводной-вечер.

Помада у Мими размазана по лицу. И подводка для глаз – тоже.

– Идем же! – Она тянет Лавинию за рукава. И по-прежнему говорит отрывисто, как начинающая актриса. – Шампанского выпьем! – восклицает Мими. – И селфи сделаем!

И тут Луиза понимает, что же такого непонятного в этой странной, почти фарсовой речи Мими.

Она пытается говорить, как Лавиния.

Лавиния не улыбается.

– Мы уже сделали селфи.

Мими улыбается с отчаянной мольбой в глазах.

– Так сделаем еще разок!

Она прижимается к Лавинии и выставляет перед собой камеру. Целует Лавинию, измазав ей щеку помадой.

– Господи, Мими!

– Блин, я там с закрытыми глазами. Давай-еще-разок-ага?

Рука у нее гуляет туда-сюда. Все фото получаются смазанными.

– Ладно, хватит с нас.

– Ну, еще одну! Одну!

Мими продолжает цепляться за Лавинию, прижимаясь к ней грудью и норовя поцеловать.

– Ну, еще одну, давай!

Она тянет Лавинию за рукав. И отрывает его.

Луизе не верится, как громко трещит ткань.

– Мать твою, Мими, ты не знаешь, когда пора, блин, уходить?

Взгляд Лавинии просто ужасен.

Глаза Мими наполняются слезами. Она все еще улыбается.

– Ну же, – скулит Мими, как собачонка. – Такой классный вечер. Разве нет? Нет?

– Ты напилась, Мими. Езжай домой.

Мими уходит.

* * *

Через час Мими выкладывает в Сеть все свои фото того вечера. На каждом стоит тэг «Лавиния».

«Я и бакалавр гуманитарных наук», – пишет она с эмодзи лисы, крутящей хула-хуп девушки и кувыркающегося автомобиля, словно кто-то еще знает, что такое «бакалавр гуманитарных наук».

Теперь музыка грохочет так, что никого не слышно, если не наклониться на расстояние поцелуя, теперь мы танцуем, теперь все мы стоим по четверо на одной из приподнятых колонн в двух метрах над толпой, и вот стоит Лавиния,

задрав подбородок и расправив плечи, словно богиня.

Теперь опустили большие часы, теперь все кричат «да-да!», теперь Лавиния стоит и осматривает толпу сверкающим, почти горящим взглядом.

– Что такое?

Лавиния ей не отвечает.

– Ты ищешь Мими?

Лавиния все смотрит и смотрит, а Луиза пытается проследить за ее взглядом, но ничего не видит, кроме парочки незнакомых ребят в вечерних костюмах, фоткающих все вокруг. И тут ее словно током ударяет, Лавиния впивается ногтями ей в запястье, Луиза спрашивает: «Что такое?», но теперь она уже так пьяна, что, когда к ней поворачивается Лавиния, Луиза уже забывает, о чем же хотела спросить.

Лавиния хватает Луизу за плечи.

– Надо прыгать, – говорит она.

– Что?

– Мне. Тебе. Надо.

– Ты хочешь поехать по головам?

Никто не ездит по головам. В реальной жизни.

Но здесь – жизнь не реальная.

– А что может случиться еще хуже?

Одна минута до полуночи.

– Верь мне, – говорит Лавиния. – Прошу тебя.

* * *

Десять… девять…

Теперь Луиза вспоминает все, чего она боится.

Она вспоминает, что у нее нет медицинской страховки, и если она что-нибудь сломает, то не сможет заплатить за лечение, что ей завтра на работу, и она не может улизнуть, даже если бы и смогла бы (восемь). Она даже не очень хорошо знает Лавинию и не должна ей верить, потому что новые люди обычно разочаровывают, если не что похуже (семь). И хотя Лавиния смотрит на нее с таким восхищением, Луиза ей чужая, а самый верный способ облажаться – это открыться другому человеку (шесть). И она не может позволить себе глупости, ведь глупость, как и счастье – это роскошь, но сердце у нее колотится так быстро, словно оно – колибри, которая выбьет из себя все дыхание (пять) и умрет до полуночи. Но впервые за все время, что она помнит, Луиза счастлива, и она не пожалеет ударов сердца, если придется, чтобы чувствовать себя вот так (четыре), потому что, в конце концов, ей хочется на свете только одного – быть любимой и (три, два, один).

Толпа подхватывает их.

Так много людей, они держат ее за талию, за бедра и за спину, и Луиза не боится. Она знает, просто знает, что ей не дадут упасть. Знает, что им можно довериться, потому что они все вместе, и все возвышенно и буйно пьяны, и хотят, чтобы она плыла над ними, как хочет того и она, потому что так прекрасно реять так высоко, и они желают быть частью этого полета.

Лавиния тянется к ней над головами толпы и улыбается, она так далеко и вот уже близко, еще ближе, а потом совсем близко, чтобы схватить Луизу за руку и крепко ее сжать.

Уже почти рассвело.

Все высыпают на улицу. Скидывают обувь. Девчонки шагают босиком по льду. Таксисты берут по сто долларов с пассажира, чтобы довезти всего-то до Верхнего Ист-Сайда.

* * *

Луиза успевает немного протрезветь. Она чувствует, что стерла ноги, но слишком счастлива, чтобы обращать на это внимание. Она кутается в пальто, недостаточно элегантное для того, чтобы оправдать свою легкость, и ежится от порывов ветра, а Лавиния, не задумываясь, вызывает такси, хотя в этот час срочный вызов, наверное, стоит сумасшедших денег.

– Куда мы едем?

Лавиния подносит палец к губам.

– У меня для тебя сюрприз.

Такси везет их по Вест-Виллидж, Нижнему Ист-Сайду и через Бруклинский мост.

– Тебе этого хотелось? – Лавиния закутывается в огромных размеров шубу. Она очень сосредоточенно мигает, глядя на Луизу.

– Чего?

– Праздника. Именно этого?

– Да, – отвечает Луиза. – Было просто чудно!

– Вот и хорошо. Я рада. Хотелось сделать тебя счастливой.

Такси едет мимо реки.

– Подумать только, – говорит Лавиния. – Сейчас ты могла бы спать у себя дома.

Сейчас Луизе надо бы спать у себя дома.

– Но вместо этого… – Лавиния открывает окно. Ветер хлещет их по лицам. – Мы встретим восход солнца. Разве не здорово?

Такси останавливается под колесом обозрения у ярко раскрашенных ворот, рядом с вывесками паноптикума и аттракциона «Центрифуга».

Парк закрыт до весны. Но уличные фонари освещают карусель, дома с привидениями, дощатый настил у берега, а еще дальше – волны.

– Хотелось побыть у воды, – объясняет Лавиния.

Настил покрыт скользкой наледью, и Лавиния держится за Луизу, чтобы не упасть. Обе они поскальзываются и падают, немного ободрав колени, но вот они и у самой воды.

– Наконец-то, – произносит Лавиния.

Сидеть слишком холодно, но они присаживаются на корточки, вдвоем закутавшись в огромную шубу Лавинии.

Лавиния протягивает Луизе фляжку.

– Глотни-ка, – говорит она. – Сразу согреешься.

Во фляжке виски – хороший виски, слишком хороший для того, чтобы тянуть его из фляжки для «обогрева», когда рук своих не чувствуешь, но ведь на то она и Лавиния.

– Там, на «Титанике», они пили виски, – начинает Лавиния. – Они тонули вместе с кораблем, видели, что им скоро конец, и говорили: «Да плевать, как-нибудь выкрутимся». Так что они до бровей накачались элитным виски, а когда корабль затонул, это их и спасло. Внутри им было так тепло, что они не чувствовали холода. И доплыли до спасательных шлюпок. Я об этом думаю… все время… когда… Ой, твое платье!

Платье Лавинии, которое она так щедро и великодушно доверила Луизе, которое она нашла на улице в Ист-Виллидж и которое воплощает красоту, истину, все доброе в мире и даже, возможно, существование Бога, все изорвано. На нем винные пятна. И дыры от сигарет.

А Луиза думает: «Ты его запорола».

Она вела себя неосторожно. Эгоистично и бездумно, она слишком много пила и утратила бдительность – даже животные знают, что бдительности терять нельзя – и теперь Лавиния ополчится на нее так же, как на бедную, жалкую Мими, которая оторвала Лавинии рукав. Только все будет гораздо хуже, чем чуть раньше, теперь, когда ночь так хороша, и она знает, что теряет.

Луиза старается не заплакать, но она выпивши, размякшая и, конечно же, не может сдержаться, из глаз у нее брызжут слезы, и тут Лавиния изумленно глядит на нее.

– Что такое?

– Господи, прости меня, прости… твое платье.

– И что платье?

– Я его испортила!

– Ну и?

Лавиния встряхивает длинными волосами. Они развеваются на ветру.

– Ты классно провела ночь, так ведь?

– Да, конечно, я…

– Так в чем проблема? Мы всегда сможем достать еще одно.

Она говорит так, будто все очень просто.

– Я же тебе рассказывала, – продолжает Лавиния. – Вокруг меня что-то происходит. Боги принесут нам другое платье.

Слезы Луизы замерзают у нее на щеках.

– Это жертва, – произносит Лавиния. – Мы принесем жертву старым богам – пустим платье по водам, и пусть воды покончат с ним, вот!

– Что?

Лавиния тычет Луизе в лицо локтем.

БОЛЬШЕ ПОЭЗИИ!!! Надпись почти стерлась, остались лишь буквы ОЛЬШЕ ОЭЗИИ! но Луиза их разбирает.

– Ты почти позволила мне забыть! Как ты могла?

– Я…

– Вот и решено.

Лавиния вскакивает на ноги. Шуба падает на землю. Ее прекрасное белое платье, делающее ее похожей на ангела, тоже падает. На фоне снега она замерзшая, жалкая и голая. Груди у нее синие. А соски – лиловые.

– Блин, блин, блин!

Она истерично смеется.

– Блин-блин-блин-как-холодно!

У Луизы отваливается челюсть.

– Давай! Теперь твоя очередь!

– Ты хочешь, чтобы я…

Луиза уже трясется от холода, даже в шубе.

– Давай! Ты должна это сделать!

У Лавинии дикие вытаращенные глаза. Луизе так холодно.

– Ты же обещала!

Луиза протягивает дрожащую, с синими ниточками вен, руку.

– Обещала же!

Луиза обещала. И она сдерживает слово.

* * *

Сначала ей кажется, что холод ее прикончит. Он леденит ей глаза, горло, нос, добирается до самого пищевода, так что даже виски не помогает. Будь она на «Титанике», то непременно утонула бы. Лавиния поднимает смятое платье с тронутого инеем песка на выщербленном деревянном настиле, комкает, прижимает его к груди и произносит:

– Пошли.

Еще не слишком поздно, чтоб новый мир найти.

Особенность стихотворения Теннисона «Улисс» в том, что все его знают. И знание это не делает тебя выдающимся. Если ты знаешь хоть один стих Теннисона, то, наверное, это «Улисс», а если знаешь хоть один стих вообще, то точка – более пятидесяти процентов за то, что это именно оно. Лавиния не выделяется его знанием (частично), а Луиза тоже не выделяется ни знанием его наизусть (целиком) еще со времен Девоншира, ни тем, что нашептывала его на железнодорожном мосту, ни тем, что истово пыталась убедить Виргила Брайса в том, что «к закату парус правим» – самая красивая фраза в английском языке, и

если она не сможет править парусом, то, по крайней мере, поплывет. Наверное, нет такого понятия, как судьба, а есть, скорее всего, просто совпадение. Возможно, это банальность, как плакаты с картинами Гюстава Климта, как полотна Альфонса Мухи, как «Любовная песнь» Т. С. Элиота, как Париж (в Париже Луиза никогда не была).

Но это стихотворение у Луизы в сердце, и она с облегчением узнаёт, что у Лавинии тоже.

Отчалим, строго по ранжиру сядем,

Ударим по звенящим мы весла?м.

Я знаю – мы к закату парус правим,

На запад, к звездам, пока жизнь я не отдам.

Лавиния швыряет платье в воду. Оно тонет, потом всплывает, вытолкнутое, как утопленница, и его уносят волны.

Лавиния с Луизой смотрят друг на друга.

И им так чертовски холодно, что Луизе кажется, что они превратятся в статуи, в ледяные столбы, как жена Лота (или в соляные? она не помнит), и останутся тут навечно, вдвоем, рука в руке и грудь к груди, соприкасаясь лбами, со снегом на ключицах. И Луиза думает: «Слава богу, слава богу», потому что если они окаменеют навсегда, то в этом «навсегда» останутся лишь ночи вроде этой и никаких «наутро». И вот тогда Луиза откажется от всех мечтаний, которые когда-либо лелеяла.

Они делают селфи голышом, от губ до самого низа. Руками они прикрывают соски, иначе «Инстаграм» забанит фото, так что по центру кадра красуются остатки надписей «БОЛЬШЕ ПОЭЗИИ!!!».

– Мы из них татушки на руках сделаем, – предлагает Лавиния.

Теперь они съеживаются под огромной шубой. Лавиния снова надевает платье. На Луизе нет ничего, кроме платья «рубашка» и тоненького пальто.

– Я хочу запомнить это навсегда, – произносит Лавиния. – До конца дней своих.

Когда кто-то говорит «Я запомню это до конца дней своих», то обычно подразумевается «Я неплохо повеселился» или же просто «Я хочу тебя трахнуть». Технарь-феминист, с которым Луиза в свое время встречалась, говаривал, что никогда ее не забудет, и то же говорил парень, склонный ко всяким «закидонам» («Я никогда не забуду, что ты мне позволяла с собой, в этом плане ты совсем не похожа на остальных женщин»), а также Виргил Брайс. Даже тот, кто писал на сайте знакомств от ее имени, сказал как-то во время летней прогулки по Проспект-парку: «Я, наверное, все-таки уеду из Нью-Йорка, но тогда мне захочется вспоминать вот такие вечера» (именно в тот вечер она с ним трахнулась).

Но Лавиния не похожа на остальных людей.

И когда через полгода Лавиния умрет, она станет думать именно об этой ночи, о звездах и о море.

Луиза об этом узнает. Она будет рядом.

Они шагают к линии надземки.

Лавиния ловит такси.

– Возьми-ка, – предлагает она. Она улыбается. Луиза восхищается губной помадой Лавинии, по-прежнему темной после всего выпитого шампанского. – Моя шуба потеплее твоего пальто.

Луиза не может позволить себе ехать на такси.

– Все нормально, – отвечает Луиза. – Я на метро поеду.

Лавиния смеется, словно это шутка.

– Господи, ну ты и классная, – говорит она. Потом целует Луизу в обе щеки. – Я уже по тебе скучаю.

Она буквально падает в такси.

Через две минуты Луизе на телефон приходит уведомление. Лавиния разместила их фотографию в «Фейсбуке».

Она двадцать минут идет пешком до линии Q на Кони-Айленд, потому что никакие другие поезда не ходят по причинам, недоступным пониманию. Она не ступает на трещины в тротуарах.

Она сидит в вагоне метро, дрожа в тоненькой рубашке под куцым пальто с дырявыми карманами, которое она купила в «H&M» четыре года назад, когда «ГлаЗам» выдал ей на Рождество премию в сто долларов. Она пытается не встречаться взглядом с мужчиной, разгуливающим взад-вперед в больничной пижаме и с медицинским браслетом на руке, но то же делают и все остальные, а тебе надо быть начеку, особенно когда в тебе росту метр шестьдесят два и ты весишь 45 кг 800 грамм (в критические дни). Она выпила достаточно, чтобы ее стошнило, и старается не похвастаться угощением, когда двое молодых людей заходят на Кингс Хайвей с пакетами из фастфуда и громко чавкают картошкой фри до самого Атлантик-авеню.

Здесь Луизе приходится пересаживаться на линию R, пусть даже и проехав чуть назад, и какие-то девчонки, наверное, возвращающиеся с девичника, визжат и размахивают бенгальскими огнями, а на платформе линии R какой-то мужчина, влезший на пластмассовый ящик, громко предрекает конец света.

– Я ненавижу и презираю празднества ваши! – кричит он, хоть никто на него и не смотрит.

Он глядит прямо на Луизу. (Если вознесете Мне всесожжение и хлебное приношение, Я не приму их и не призрю на благодарственную жертву из тучных тельцов ваших.) По крайней мере, думает Луиза, он смотрит прямо на нее.

(Удали от Меня шум песней твоих, ибо звуков гуслей твоих Я не буду слушать.)

Луиза выходит из метро на Пятьдесят третьей улице.

Пятки у нее кровоточат. Между пальцами ног забился песок, и там мозоли. Она крепко сжимает в пальцах ключи.

На углу перед своим домом она замечает человека, который каждый день ей кричит, когда она идет к метро или обратно. Он курит марихуану. Поднимает на нее глаза.

– Привет, – произносит он.

Она не поднимает головы. И не смотрит на него.

– Привет, малышка, – продолжает он.

На это она тоже не реагирует.

– Ты знаешь, что на улице холодно?

Она думает: «Шагай дальше, просто шагай».

– А знаешь, я бы тебя согрел!

Он улыбается, словно это добродушие, словно ей это должно льстить, словно это – самое лучшее из всех сделанных ей предложений.

– Я бы тебя согрел, малышка.

Он идет за ней – фланирует, а не бежит, словно гуляет в свое удовольствие, словно от этого ей не хочется закричать.

– Разве ты не хочешь, чтобы я тебя согрел?

Она действует быстро, вставляя ключ в замок, хоть руки у нее и дрожат. Тренировка.

– Не обольщайся, – бросает он ей вслед, когда Луиза наконец оказывается в доме. – Я бы не трахнул псину вроде тебя трехметровым аппаратом.

Когда Луиза ложится в постель, уже девять часов.

Она ставит будильник на двенадцать.

Когда Луиза просыпается, она едва шевелится, но все-таки двигается, потому что ее смена в кофейне начинается в два, а хозяин-рукосуй урежет ей зарплату, если она хоть на полминуты опоздает на работу.

Глава 2

От Лавинии – ни строчки, ни слова.

Луиза подумала бы, что ей все приснилось, если бы не смазанная надпись «БОЛЬШЕ ПОЭЗИИ!!!» у нее на руке, которую она не может заставить себя стереть под рукавом, если бы не простуда, свалившая ее на той неделе, из-за которой ей приходится отменить все репетиторские занятия с Полом, что раздражает его родителей куда сильнее, чем самого Пола. Такие вечера вместе с людьми, знающими «Улисса» и гладящими тебя по голове, – они не реальны. Люди берут от тебя, что им хочется, и говорят то, что ты хочешь услышать, а потом забывают, если высказываются искренне.

Время от времени Луиза гадает, не из-за того ли все это, что она порвала платье.

Луиза работает. Она ездит на метро. Подкрашивает корни волос, прядь за прядью.

За ту неделю Лавиния проделывает массу интересных вещей. Луиза видит все в «Фейсбуке» и в «Инстаграме». Лавиния идет на празднование православного Рождества, потом появляется на премьере сезона – «Русалочке» в Метрополитен-опере, ее фотографируют для блога оперы, посвященного моде, в длинном, в пол, серебристом платье с блестками. Она отправляется в заснеженный Центральный парк на пикник-чаепитие у статуи Алисы в Стране чудес и целую ночь разгуливает туда-сюда по паромному причалу на Стейтен-айленде (под фото в «Инстаграме» надпись: «Мы очень устали и развеселились»). Официальные фотографии с праздника в «Макинтайре» попадают на портал «Городские лисы» и еще в отдел сплетен блога «Скрипач», который раньше публиковал лишь литературные сплетни, а теперь иногда делает исключения для фоток с окололитературных вечеринок, а Лавиния там на каждой фотографии в галерее.

На одной из них Луиза обнаруживает себя.

Фото вообще-то не ее – она отражается в зеркале, висящем в вестибюле гостиницы рядом с баром, лицо ее чуть повернуто, а Лавиния позирует, но Луиза получается так красиво, что сначала не сразу там себя узнаёт.

Она щелкает по нему правой кнопкой мыши. Она его сохраняет. Она даже перед сменой в кофейне отправляется в канцелярский магазин на Юнион-сквер и оставляет там без одного цента пять долларов, чтобы распечатать фотку на глянцевой бумаге. Просто на случай того, если однажды Интернет рухнет по причине ядерной катастрофы, войны или чего-то еще, и она никогда больше не сможет взглянуть на фотографию.

Спустя неделю Лавиния присылает ей сообщение.

Просто название – «Бемельманс» – и время.

Луиза должна отработать смену в «ГлаЗаме». Она забивает «Бемельманс» в поиск «Гугла» и выясняет, что это заведение располагается в гостинице «Карлайл» и что бокал вина там стоит от двадцати долларов и выше без налога с продаж и без чаевых.

Лавиния уже там.

Она занимает сразу два табурета. На ней широченная юбка, к тому же она поместила на соседнем табурете свою норку и сумочку, хоть в баре и не протолкнуться от постояльцев, туристов и бизнесменов, все, как один, с непостижимой яростью разглядывающих туалет и аксессуары Лавинии.

– Садись. Я уже заказала нам шампанского. Я на втором круге – ты опоздала!

Луиза пытается отдышаться.

– Извини. Метро.

– Ты раньше когда-нибудь здесь была?

– Да что-то не припомню.

Лавиния откидывает назад волосы. Похоже, поутру она пыталась их заколоть, но с тех пор они растрепались, заколки ослабли, а ей вроде бы и дела нет до того, чтобы их поправить.

– Я здесь завсегдатай, – говорит она. – И единственная до сорока лет не-проститутка.

Все отделано темным деревом, и хотя еще слишком рано зажигать свечи, кажется, что они уже горят, и в этом-то вся красота. На стенах повсюду фрески. Посреди зала стоит рояль, и пианист наигрывает «Нью-Йорк, Нью-Йорк». Лавиния тихонько подпевает.

– Эту песню всегда тут играют, – замечает Лавиния. – Все и всегда. Я не против. Она успокаивает. Как Рождество.

Она пододвигает Луизе бокал шампанского.

– Тост имеется?

Руки у Луизы все еще дрожат от холода.

– За что?

– Конечно же, за наши планы на Новый год!

– Разумеется.

– И за нас!

– И за нас.

Они чокаются.

Конечно, Луиза раньше бывала в разных красивых местах. Иногда, когда у нее выдается время между репетиторскими занятиями, она отправляется в Метрополитен-музей и платит доллар за вход, чтобы побродить по залам в одиночестве, словно призрак, чтобы просто побыть среди красоты. Но она всегда там чужая. А Лавиния здесь дома.

– Ты уже его закончила? – широко улыбается Лавиния. – Свой рассказ. Во сколько журналов ты его разослала?

– Ой.

Луиза вообще не бралась за рассказы.

– Пока никуда… Но он почти готов!

– Ты мне его дашь почитать? Хочу его прочесть. Прямо жду не дождусь.

– А как твой роман? – интересуется Луиза. Лучший способ заставить кого-то забыть о заданном вопросе, на который ты не хочешь отвечать – это подтолкнуть его на разговор о себе. – Как он подвигается?

– Ой, да как обычно. Как всегда. И как впредь. Но я не вернусь в колледж, пока его не закончу. Я дала себе слово и принесла торжественную клятву. Ноги моей не будет в Нью-Хейвене, пока не поставлю последнюю точку в последнем предложении. Далеко не каждый хочет, чтобы нога его не ступала в Нью-Хейвен.

Лавиния знает бармена, так что им ставят свежие бокалы без заказа.

В другом конце бара Луиза замечает какую-то знакомую фигуру. Высокие скулы, глубокий вырез на платье, темно-бордовые губы, и опирается она на руку мужчины много старше себя, чьи часы ослепляют Луизу своим блеском.

– Она здесь всегда, – поясняет Лавиния. – С кем-то.

Она поднимает бокал. Женщина подмигивает.

– Мама пришла бы в ужас. С кем только ты дружбу водишь, сказала бы она. Тебе бы больше повезло, заведи ты бойфренда, понимаешь, если бы ты ходила на званые ужины с подругами из школы «Чепин». Но, по-моему, совсем не важно, как человек зарабатывает на жизнь, а? В девятнадцатом веке в Париже существовал полусвет. И никто не осуждал Бодлера. В любом случае она прекрасно выглядит без перьев.

Теперь до Луизы доходит. Это Афина Мейденхед.

– Вообще-то, она не совсем проститутка, – продолжает Лавиния. Еще подкрашивает губы. – Она просто… ну, ты понимаешь. Дама полусвета. Типа на элитных эскорт-сайтах и все такое. – Лавиния надувает губы. – Как я выгляжу?

– Прекрасно.

– Отлично, – говорит Лавиния. – Селфи?

Они фоткаются.

– Отсылаю его тебе. Хочу, чтобы ты его скачала. И поставила мой тэг. И выложила в общий доступ, ладно?

– Ладно.

Они выпивают еще по бокалу, потом еще, затем снова.

Их угощает какой-то посол, и бармен Тимми выставляет им еще два бокала, насчет которых Луиза не уверена, заказывали они их или нет, они ставят шампанское пианисту, а потом… Потом появляется счет.

Лавиния оплачивает его, даже не взглянув на сумму.

– Пошли, – говорит она. – Поедем на мою вечеринку.

Вторая вечеринка, куда Лавиния берет с собой Луизу, дается в книжном магазине, не являющемся книжным магазином в полном смысле слова. Это сдаваемая внаем муниципальная квартира на Восточной Восемьдесят четвертой улице, чей обитатель, «немногозубый» смешливый толстячок по имени Мэтти Розенкранц, в свое время держал настоящий книжный магазин, но лишился его во время кризиса, потому что никто больше книги не покупает. Поэтому он раскурочил свою квартиру, выбросил раковину, избавился от газовой плиты, и теперь там нет ничего, кроме книг – книг хороших, но вперемежку со второсортным чтивом вроде эротических и научно-фантастических романов 1950-х годов, которые с тех пор не переиздавались. Люди, знающие номер квартиры, звонят и приносят с собой бутылку или травку. Если это симпатичные девушки, они просто приводят друзей и подруг, читают вслух свои работы, а Мэтти их развлекает. Никто на самом деле книг не покупает, но все уходят с таким чувством, словно поучаствовали в чем-то выдающемся.

Никто и никогда не видел Мэтти Розекранца за пределами «секретного» книжного магазина.

– Гевин говорит, что как-то встретил его в отделе транспортных средств в Гарлеме, – говорит Лавиния, с силой давя на кнопку звонка. – Но я ему не верю.

– Какого хрена ты здесь делаешь? – спрашивает Мэтти Розекранц, когда они входят. Сначала Луиза пугается, что это относится к ней, но потом он смеется и подхватывает Лавинию за талию. – А я-то думал, что мы от тебя избавились.

– От меня так просто не избавишься, – заявляет Лавиния. – Я вроде вредной привычки.

Здесь так много народа. Воздух стоячий и спертый, пахнет пивом. Все, что не заставлено пивом, превращено в книжные полки, за исключением книжной полки, переделанной в стол, за которым восседает Мэтти Розекранц с бутылкой крафтовой водки, шестью банками пива в упаковке и красными пластиковыми стаканчиками, которые все норовят опрокинуть. Лавиния машинально подхватывает один из них.

– Все личностные и региональные идентификаторы уничтожаются левыми, – настаивает мужчина с ярким бирюзово-желтым галстуком-бабочкой. – Вся подоснова истины опирается на один фундаментальный постулат: «икс» равняется «иксу». Но затем вы говорите: «О, я мужчина, а я женщина»… Извините, я знаю, что это неполиткорректно.

Он говорит это очень худой и очень хрупкой женщине с большими глазами и соломенно-желтыми волосами, которая явно находится под впечатлением от его слов.

Лавиния протискивается прямо между ними.

– Привет, незнакомец.

И целует его в щеку, как будто даже его не прерывая.

– Лавиния! – Через секунду он узнаёт ее. – Как жизнь? Не видел тебя с самого…

– Да замечательно! – раскрывает объятия Лавиния. – Просто великолепно… Я в последнее время совсем завертелась… Господи… Просто чудо, что я теперь что-то успеваю, все так забито… Слава богу, у меня есть Луиза. – Она хватает руку Луизы и поднимает ее вверх. – Это она держит меня в рамках. Она такая дисциплинированная – все время пишет. Она прямо-таки вдохновение.

– Так вы, значит, тоже писательница?

– Ой, простите меня, простите! Вы незнакомы. Луиза, это Беовульф Мармонт. Беовульф, это Луиза…

– Вильсон.

– Луиза Вильсон. О, у вас есть, о чем поговорить. Луиза – интереснейший человек, таких редко встретишь. Господи, а вот и Гевин!

Она уплывает.

«Это проверка», – думает Луиза.

Лавиния проверяет ее: увидеть, насколько хорошо Луиза поладит с ее друзьями, когда те не пьяны до потери пульса и когда они могут друг друга слышать.

Луиза не винит Лавинию – так всегда поступают с людьми не твоего круга.

– Ну, – очень бодро начинает она, – а как вы с Лавинией?..

– В Йельском университете.

– Ах да. Конечно.

– А вы?

– Ну… – пожимает плечами Луиза. – Понимаете, вечеринки… – продолжает улыбаться она.

Беовульф шмыгает носом.

– Конечно, – отвечает он. – А вы откуда?

– Я училась в Девоншире, – сообщает Луиза. Она делает то, что делает – теперь почти бессознательно – чтобы говорить как можно короче и резче, и выглядит

почти что иностранкой.

– Выходит, вы знаете Ника Галлахера.

– Ой. Нет. В смысле… он, наверное, закончил школу после меня.

– А вы какого года выпуска?

Она мнется. Прикидывает его вероятный возраст, и сколько лет ей можно дать с виду.

– Две тысячи восьмого.

Луиза надеется, что может сойти за двадцатипятилетнюю.

– Тогда вы должны его знать. Он закончил в 2010-м. Хороший парень. Он теперь в штате журнала «Нью-Йоркер».

– Извините. Я о том… в школе так много народу училось.

– Вам надо его поискать. Я тут недавно с ним обедал – на прошлой неделе. В главном офисе «Нью-Йоркера». Вы там были?

– Еще нет. – Ей прекрасно удается оставаться безумно бодрой.

– Вам надо его поискать. Если хотите, сами знаете, писать для «Нью-Йоркера». – Беовульф пожимает плечами. – В смысле… типа, многие молодые писательницы для него не пишут. Из-за патриархата, видите ли. Они стремятся в новые СМИ и все такое. Типа «Нового мужененавистничества» и ему подобных. – Он фыркает. – Так для кого вы тогда писали?

Луиза могла бы соврать. Но понимает, что он уже догадывается, кто она. Некомпетентность и неумение люди чуют почти сразу.

– Простите, – произносит Луиза. – Я не писательница.

– О, чудесно.

Луизе знаком этот взгляд. Он смотрит ей через плечо в поисках собеседника посодержательнее.

– Чудесно, чудесно, чудесно.

– А где вы?..

Беовульф уже одолевает полкомнаты. Лавиния устроилась в углу, болтает с Гевином Маллени, хватает с полок книги, такая смелая, говорит то с одним незнакомцем, то с другим, и все время выглядит счастливой.

На Луизу она даже не смотрит.

Луиза делает все, что в ее силах. Она любезно улыбается приклеенной улыбкой, чтобы никто не догадался, как внутри ее все окаменело, выставляет себя деловитой, перебирая книги на полках и изображая неподдельный интерес. Она подслушивает, как кто-то распространяется о том, что теперь он онлайн-редактор блога «Скрипач», что делает его, в общем-то говоря, вторым или третьим по значимости человеком младше тридцати пяти лет в любом обществе. Луиза наблюдает за людьми, но не очень пристально, и ей одновременно хочется и не хочется, чтобы к ней кто-то подошел, поскольку, если подойдут, она не сможет сказать чего-то впечатляющего, и Лавиния это заметит.

Начинается чтение.

Беовульф Мармонт читает свой рассказ, который вскоре появится в журнале «Вихокенское литературное обозрение». Рассказ о человеке, который слишком много пьет и любит женщин с податливыми губами. Беовульф так уверен в себе, когда меряет шагами комнату, когда откашливается и заставляет замолчать даже Лавинию, которая шепчет Гевину что-то об Эдне Сент-Винсент Миллей. Логически Луиза понимает, что он не смотрит на нее, что ему на нее вообще наплевать, и, возможно, надышавшись дымом марихуаны, она немного ударилась в паранойю, но все то время, пока Беовульф читает, а Лавиния смотрит в сторону, Луиза вспоминает, что происходит, если на вечеринке ты не

можешь показать себя с лучшей стороны. Люди оглядываются, они тебя забывают, говорят о тебе, как только ты уходишь, и больше тебя не приглашают. Луиза знает, что не показывает себя с лучшей стороны, стоя столбом у стены, запинаясь в разговоре с незнакомыми людьми (она могла бы им сказать что-нибудь яркое и остроумное, будь Лавиния рядом), но чем больше она это осознает, тем суше становится у нее в горле, тем большее впечатление ей нужно произвести и тем больше она убеждается в своей неумелости.

Она тихонько сматывается.

* * *

Во всей этой изъеденной плесенью и набитой народом квартире есть только одно открытое окно, и оно в комнате, некогда служившей кухней. Луиза бежит и хватает книгу, любую, вот с верхней полки, чтобы, по крайней мере, выглядеть достаточно «продвинутой», чтобы уйти с чтения и сосредоточиться на книге получше, а не слишком перепуганной и стоящей в комнате с людьми, считающими себя лучше нее, без Лавинии, которая помогла бы ей здесь освоиться.

– Вы тоже прячетесь?

Луиза вздрагивает.

Он, скорчившись, сидит на стопке книг. Улыбается ей.

У него мягкие каштановые волосы и очки в роговой оправе, которых больше никто не носит. Он в твидовом костюме, которые тоже больше никто не носит. У него большие детские карие глаза и очень тонкие губы.

– А что, так заметно?

– Я в смысле… Разве все мы не хотим от всего этого спрятаться? – Он смеется странным, чуть лающим смехом. – Сдается мне, что у некоторых из нас просто характеры слабее. Или же, понимаете, им не нужно так много работать в Сети.

– Им везет, – отвечает Луиза.

– Нам везет, – поправляет он.

– Конечно, – соглашается Луиза. – Нам везет.

И продолжает:

– Значит, вы не писатель?

Он фыркает:

– О нет. Я принимаю куда более практичные карьерные решения.

– Например?

– Заканчиваю университет. – Улыбка его расцветает. – Классика.

– Говорят, очень доходная нива.

– О да. – Он освобождает ей место на скамеечке, представляющей собой просто ряд книг. – Там обширное поле. – Он раскуривает косяк и предлагает ей потянуть.

– Не знаю, стоит ли, – произносит Луиза. – От травы у меня паранойя.

– В смысле, как и от всего, верно?

– Кроме работы в Сети. Однозначно.

Луиза делает затяжку. И тут же заходится в кашле, брызжет слюной, а он вынимает из кармана блейзера носовой платок и протягивает ей.

– Серьезно?

Он начинает заикаться, самую малость, и Луиза понимает, что обидела его.

– Я в смысле… спасибо. Извините. Простите, я нагрубила. Я просто…

Он смеется:

– Ну, понимаете, кто-то ведь должен поддерживать уровень.

– Конечно. – Луиза не понимает, почему он так с ней доброжелателен. – Естественно.

– Значит, вы тоже не писательница? – Он забирает у нее косяк.

– Да. Нет. Возможно?

– Больше не существует такого понятия, как писатель. – В комнату вваливается самый уродливый из всех виденных Луизой людей. – Вот что говорит Генри Апчерч.

У него квадратное, обезьяноподобное лицо. Непропорционально большая челюсть, слишком туго обтянутая кожей. Бледность, болезненно отдающая в желтизну. Он низкорослый и немного толстоват.

– Хэл, не надо…

– Когда-то Америка была великой. Не теперь. Тогда. Тогда у нас были люди-литераторы. Тогда у нас были люди действия. Правда? Пустышка?

– Извините, – говорит Луиза.

– Господи, где вы учились? Вы вообще учились?

– Хэл!

– Я не придуриваюсь! Мне и вправду… интересно. – Он быстро перебирает книги. – Вот. Возьмите. Это вам образование.

Он протягивает книгу. «Умирающая осень». Генри Апчерч.

– Самое лучшее вступление в американской литературе. Литературный лев. И Великий Человек. Ты не думаешь, что он Великий Человек, Рекс? – Он произносит имя как «Рекш», но опять же – он сильно пьян. – Господи, Рекс, да взбодрись же. Ты просто жалок.

– Я просто устал.

Хэл с силой хлопает его по плечу.

– Вам скучно с моим другом?

– Нет.

– А ему с вами скучно?

– Нет! – вскакивает на ноги Рекс. – Нет… Все нормально, Хэл.

– Да ладно. – Он поворачивается к ней. – Как вас зовут?

– Луиза.

– Хочу сделать вам приятное, юная Луиза. – Он сует ей в руки книгу. – Хочу ввести вас в мир великих, добрых и умерших, но все же живых белых людей, которых великое множество. Где, говорите, вы учились?

– В Девоншире.

– В Девоншире. Конечно. Вот, глядите. Это «фаберовское» издание. 1998-го года. К тридцатилетнему юбилею. – Он забирает у нее книгу. Открывает ее. – Вы только полюбуйтесь. К тому же и подписанное!

Луиза слышит, как в соседней комнате по-прежнему гудит голос Беовульфа Мармонта.

Хэл прищуривает глаза.

– Дорогой Маркус, прелесть какая, старина Маркус, наверное, голубой. С огромным удовольствием прочел твое теплое письмо от третьего марта и узнал, как хорошо ты принял «Поезд причуд». Прими же эту книгу с моими наилучшими пожеланиями и надеждой на то, что твои лекции в Гарварде обернутся при… приб… прибылью. – Он закашливается. – Что за великодушный, широкой души человек. Гляди-ка, тут еще и посвящение? Не угодно ли взглянуть? С глубочайшей благодарностью моему товарищу по оружию и агенту, Найалу Монтгомери, и моему бессменному редактору, Гарольду Лернеру, с любовью моей жене, Элейн, и сыну. Вы только поглядите. – Он с треском захлопывает книгу. – И сыну. – Он широко улыбается беззубым ртом, словно Луиза должна понимать, в чем соль шутки.

– Извините. – Рекс смотрит в пол. – Хэл напился.

– Я не напился. Я просто люблю литературу и разбираюсь в ней, вот и все – не то, что этот рогоносец в соседней комнате. Господи! Как же верно. Никаких великих писателей. Ничто не ново под луною.

– А вы тоже писатель?

– Да ни за что на свете, моя юная Луиза. Я просто скромный работник страховой компании.

Он размахивает книгой перед лицом Луизы.

– Я куплю вам эту книгу. – Он замечает, что у Луизы в руке. – Он вам платок не дал, верно?

Луиза не отвечает.

– Какой же ты урод, Рекс. Прямо прелесть. Обожраться простынь.

Луизе требуется секунда, чтобы понять, что он хочет сказать «оборжаться просто», а не «обожраться простынь», что сорвалось у него с языка.

Хэл хватает красные пластиковые стаканчики.

– Пойду еще нам налью. И вот еще что, Рекс. – Он буквально расплывается в улыбке. – Она здесь.

Как только Хэл уходит, они некоторое время стоят молча. Потом Рекс садится. Выдыхает. Берет в руки книгу. Кладет ее обратно. Раскуривает еще один косяк. Роняет зажигалку.

– Все нормально?

– Извините, – говорит Рекс. – Господи… Хэл. Простите.

– Ничего страшного.

– Он придурок. Он… в смысле… обычно он так не достает. Он просто любит подначивать. Но в глубине души он хороший человек.

– Правда? – Луиза пытается улыбнуться, самую малость, чтобы он понял, что его вины тут нет.

– В самой-самой глубине.

Они хором смеются.

– Когда он выпьет, понимаете, его одолевают странности. Насчет папаши.

– Папаши?

– Великого Американского Литератора.

– Да бросьте вы.

– Я знаю его всю жизнь, – отвечает Рекс, – и до сих пор не возьму в толк, догадывается ли он, что мы поняли, что говорит он искренне.

– Дорогуша.

На пороге стоит сияющая Лавиния. Жемчуга на ней сверкают. Волосы волнами ниспадают вниз.

– Дорогуша, – повторяет она, и Луизе требуется еще секунда, чтобы понять, что Лавиния обращается к ней.

– Я тебя везде обыскалась!

Она с суровой улыбкой пристально и не мигая смотрит на Луизу.

– Извини! – Луиза сама толком не знает, отчего так быстро вскакивает с места. – Мне нужно было подышать.

– Дорогуша… Мы дадим тебе подышать, сколько влезет. Мне так не терпится. И не забудь про наш пикник.

У нее на лице – приклеенная улыбка. Острые зубы. Внезапно, сама не понимая, почему, Луиза пугается.

– Наш пикник?

– А ты разве не помнишь? Все будет просто чудно. Возьму нам шампанского. Я думала о нем… с самого Нового года… я просто уверена, что тебе понравится.

– Да, – медленно тянет Луиза. – Конечно.

Лавиния берет Луизу за руку. Притягивает к себе. Целует в щеку. Оставляет там след от помады.

Рекс молчит. Щеки у него пылают. Он не двигается.

– Ой, Лавиния, извини, это…

– Мы опаздываем. – Губы у Лавинии ни разу не дрогнули. – Пошли.

– Кто это был? – спрашивает Луиза, когда они выходят на лестницу. Лавиния по-прежнему улыбается.

Они едут на такси к парку «Хай-Лайн». Лавиния расплачивается. Заходят в винный магазин и покупают две бутылки шампанского «Моэ Шадо». Лавиния платит и за них. Они находят место, которое знает Лавиния, и только Лавиния, где ворота в парк чуть наклоняются, и Луиза ползет на животе вслед за Лавинией в этот проем.

Теперь Луиза понимает, что завтра у нее очередная смена в кофейне, что она перенесла занятие с Полом, что ей придется вставать в шесть, чтобы подогнать работу для «ГлаЗама», которую она сегодня пропустила. Она понимает: попасть под арест, заплатить штраф и провести ночь в каталажке – один из самых верных способов облажаться, но Луиза с таким облегчением оказывается далеко от «секретного» книжного магазина и от людей, которые видят ее насквозь, ей так приятно быть рядом с Лавинией (которая, может, видит ее насквозь, а может, и нет, но в любом случае видит лишь то, что хочет видеть), что Луиза радостно шагает за Лавинией, залитой лунным светом.

– Как я выгляжу? – Они стоят в парке совсем одни, в волосах у них застревают снежинки, усеивающие ледяными цветами ветви. Лавиния подкрашивает губы, поправляет бархатное платье и жемчуга.

– Ты просто красавица, – отвечает Луиза. Так оно и есть.

– Сфоткаешь меня?

Лавиния протягивает ей телефон.

– Конечно.

Она фотографирует Лавинию, когда та валится в снег и двигает руками и ногами, делая «снежных ангелочков». Снимает Лавинию на фоне кустов. Щелкает ее сидящей на скамейке с раскинутой широкой юбкой.

Луиза показывает ей фотки.

– Да. Да. Нет, эту сотри. Да. Теперь выкладывай в Сеть.

Она закуривает сигарету. Руки у нее дрожат.

– Разве не здорово? – спрашивает она. – Быть на воздухе в такую ночь, под луной и звездным небом.

Луизе хочется с облегчением рассмеяться.

– Тебе не понравилась вечеринка?

– Конечно, нет! А тебе?

– Конечно, нет!

– Беовульф Мармонт…

– Господи, прости, что я тебя с ним оставила! Я пыталась улизнуть… И принесла тебя в жертву… Ой, Луиза, ты хоть сможешь меня простить?

– А я подумала, что он тебе нравится.

– Он носит желтый галстук-бабочку. Кому может понравиться мужчина с желтой бабочкой? – Она протягивает Луизе сигарету, но Луиза не любит курить, когда она трезвая, хотя ей нравится, как дым завивается на фоне снега. – Еще в университете он мне как-то сказал, что мужское обрезание ничем не лучше изнасилования. Он даже не подначивал.

– Он прямо жуть какая-то.

– Он к тебе подкатывался? Он подкатывается к любой девчонке, какую видит.

– Ой, да нет. – Это немного отдает колкостью.

– Слава богу. По-моему, он встречается с этой жуткой девкой с огромными глазищами. Она похожа на персонаж аниме или что-то типа того. А пишет он просто ужасно.

– Прямо ужасно! – соглашается Луиза, хоть толком и не слышала его рассказ.

– Господи… Если бы мы только жили… в… в… в Париже девятнадцатого века или где-то еще! Там, где есть настоящие художники. И настоящие писатели. Люди, которые выше всего этого ужасного, надуманного…

– Вот и Хэл то же самое говорил.

Улыбка замирает у Лавинии на лице.

– Господи… Хэл!

– Ты его знаешь?

– Ты с ним разговаривала?

– Ну… Немного.

– И как он тебе?

– Ну… Он немного…

– В смысле дебил от рождения?

– Да. Да!

Как же хорошо, что наконец можно расслабиться.

– Да он же аристократ психованный, нет? Каждые пять секунд превозносит своего папашу, чтобы выглядеть так, словно в своей жизни совершил что-то существенное!

– Он только об этом и трещал!

– Конечно, трещал! Он только этим и занимается! Да еще и кокаин – такая, блин, банальщина, что мне даже неловко за него. А Рекс!

– А что – Рекс?

Лавиния замирает.

– Он тебе понравился?

– Что?

– Ну, в смысле… Вы же разговаривали.

– Ой… в смысле… Нет. То есть… не совсем.

– Не надо тебе с ним говорить. Из них он хуже всех. – Лавиния закуривает еще одну сигарету, но на этот раз руки у нее трясутся так сильно, что она роняет зажигалку, и ее поднимает Луиза. – Он трус.

– Что случилось?

– В каком смысле? Ничего не случилось! – смеется Лавиния.

– Похоже, ты…

– Да ничего, – отвечает Лавиния. – Глупость сплошная. Все в прошлом. Для меня он – ничто. Мне плевать на него.

– Погоди, а вы с ним…

Лавиния молчит. Как всегда, отбрасывает назад волосы.

– Это не важно. Давай сделаем селфи. Освещение хорошее. У тебя шикарная кожа. Жаль, что у меня не такая. Господи, я тебя ненавижу.

– Извини, – произносит Луиза. – Я не знала. Если бы знала, то не разговаривала бы с ним.

– Можешь и поговорить. Мне все равно. На него мне плевать. Он… он нормальный, он скучный, он хочет обычной жизни с обычной подружкой, с которой, знаешь, можно пообедать и все такое. Это его право.

Лавиния тушит сигарету в снегу. Она шипит, а потом гаснет.

– Хочешь, я расскажу тебе смешную вещь, Луиза?

– Какую?

– Он единственный, кого я когда-либо по-настоящему любила.

Лавиния опирается на забор, смотрит на реку, так что Луиза не видит ее лица и не может определить, искренне та говорит или нет.

– Ну, разве не глупость? – спрашивает Лавиния.

– По-моему, не глупость.

Лавиния резко оборачивается.

– Потому что ты думаешь, что он того стоит?

– Нет, конечно, нет. Я хочу сказать… – Луиза соображает, как бы правильнее выразиться. – Люди влюбляются по самым разным причинам.

– Он писал письма. Вот почему. Ты не думаешь, что это глупая причина?

– По-моему, все зависит от писем.

– В том смысле… мы были детьми. Типа… лет шестнадцати. Я училась в школе «Чепин», а он в «Коллегиате», и водили нас на одни и те же праздники. И всякое

такое.

– И всякое такое.

– Ну вот, мы обменялись телефонами или чем-то там еще, и он спросил, можно ли ему иногда написать мне письмо. Типа… с марками и всем прочим. Я не ожидала, что он напишет. Люди никогда не делают того, что говорят на словах. – Лавиния поднимает глаза. Лицо у нее белое от холода. – В смысле… нормальные люди. Не такие, как мы. – Она улыбается и прямо расцветает в лунном свете. – Мы с тобой держим слово. Мы говорим – будем читать стихи у моря. Мы говорим – проникнем в парк «Хай-Лайн». И мы это делаем. Вот и он тоже делал. Тогда Рекс был реальным человеком.

Лавиния успевает извести полпачки сигарет.

– Иногда он сам их доставлял. Писал гусиным пером. Зелеными чернилами. С сургучной печатью. Оставлял их у нашего привратника. У него дольше всех даже не было «Фейсбука» – насчет него у него тоже был целый комплекс. Ему хотелось носить наручные часы. Господи… да он все пользовался телефоном-раскладушкой. Я это обожала.

Она медленно выдыхает. Где-то вдалеке по всему городу один за другим гаснут огни.

– Мы были сообщниками в борьбе против всего мира. Мы держались за руки, гуляли по Метрополитен-музею и говорили о том, как вместе убежим. Мы спланировали весь маршрут. Должно было состояться Большое путешествие – ну, ты понимаешь, – чтобы посетить все дивные места и посмотреть все красоты. Мы собирались в Вену поближе поглядеть на «Поцелуй» Климта во дворце «Бельведер», а потом на карнавал в Венецию. Когда мы наконец станем свободными.

Луиза вспоминает Виргила Брайса на железнодорожном мосту.

– В любом случае, – говорит Лавиния, – мы так никуда и не поехали.

– А что произошло?

– Не произошло ничего. Он просто стал скучным. Вот и все.

– И когда?

Лавиния фыркает:

– Пару лет назад. В любом случае это не важно. Я же тебе говорила. Он скучный. У него теперь даже есть «Фейсбук». По крайней мере, кажется, еще есть. Я-то не знаю. Он меня забанил.

Блики от снега сверкают у нее на щеках. Губы у нее красные.

– Господи, я надеюсь, что он меня ненавидит, – внезапно произносит Лавиния.

– Почему?

– Это значит, что о тебе еще думают. – Лавиния выдыхает дым.

Лавиния перегибается через забор.

– А ты когда-нибудь влюблялась?

Луизе приходится над этим подумать.

– Не знаю. Может быть.

– Не смеши меня. Когда ты знаешь, то знаешь.

– В Нью-Йорк я приехала не одна, – отвечает Луиза. – Я была в него влюблена. Кажется.

Луиза никогда не говорит о Виргиле Брайсе. Но опять же – никто и не спрашивает.

– А он в тебя?

– Да.

– А где он сейчас?

– Не знаю. Я его забанила.

– Он разбил тебе сердце?

– Не знаю. По-моему, я ему сердце разбила.

Лавиния хлопает в ладоши.

– Я так и знала! Так и знала! Ты прямо крохотная роковая женщина.

– Вообще-то нет.

– Такая вся тихая, неприступная и загадочная – Господи, я так и знала. Как только тебя увидела…

– Да нет, точно – нет.

– Я подумала… мужчина из-за такой вот женщины вскрыл бы себе вены.

– Он не вскрыл, – произносит Луиза. – Но однажды грозился.

Лавиния хватает Луизу за руку.

На какую-то секунду Луизе кажется, что она слишком много наговорила, что она шокировала Лавинию, что она слишком разоткровенничалась, как это часто случается, отчего в комнате повисает молчание, все хотят сказать что-нибудь утешительное, и всем тебя становится жаль, и все тебя ненавидят.

И тут Лавиния принимается хохотать.

– Господи Боже, как же я тебя люблю.

На глазах у нее слезы. Ее всю трясет. Она прямо-таки вцепляется в руку Луизы.

Луиза не может сдержаться. Она тоже хохочет.

Никогда не было так весело.

Однако с Лавинией на этом мосту, который гораздо выше и ярче любого моста в Девоншире, все остальные кажутся чуточку менее реальными. Все о другой Луизе – Луизе с серовато-каштановыми волосами, с кривоватой улыбкой, немного полноватой, которую по-настоящему полюбил бы только сжалившийся или сумасшедший – полнейшая выдумка.

– И он, конечно же, этого не сделал, так ведь? – Лавиния еще заходится от хохота.

– Нет, конечно, нет. – Насколько Луизе об этом известно.

– Вот ведь мужчины.

– Вот ведь мужчины!

– Никогда, блин, слова данного не держат.

Лавиния хохочет так, что по щекам у нее текут слезы.

Луиза протягивает ей платок.

Лавиния умолкает.

– Откуда он у тебя?

– Ой. От… от Рекса.

– Он тебе его дал?

– Я расчихалась. Забыла ему вернуть. Извини.

– Дай-ка я посмотрю.

Лавиния забирает платок.

– Наверное, он все еще и наручные часы носит.

– Прости, я не разглядела.

Лавиния молчит. Потом произносит:

– Подай-ка зажигалку.

Луиза протягивает ее.

Лицо Лавинии медленно расплывается в улыбке. Она поджигает уголок платка. Сначала огонь еле разгорается. А потом платок вспыхивает ярким пламенем.

– Вот блин! – Лавиния бросает платок.

Несколько секунд они стоят, глядя на крохотный, непокорный огонек посреди тропинки.

Лавиния посасывает обожженный большой палец.

– Понимаешь, – тихо произносит она, – они же для нас ничего не значат, верно?

Она такая красивая в отблесках пламени.

«Она такая красивая, – думает Луиза, – что ей даже веришь».

Лавиния делает шаг к огоньку.

– Нам бы менадами сделаться, – тихо-тихо говорит она. – Мы должны отречься от мужчин и рвать их зубами на части, когда они к нам приблизятся. Да пошел ты, Рекс Элиот! Да пошел ты, Хэл Апчерч! Да пошел ты, Беовульф Мармонт! – Она

резко разворачивается. – А твой – как его зовут?

– М-м-м… Виргил?

– Ну и имечко!

– Его мамаша историю преподавала.

– Виргил как?

– Брайс.

– Да пошел ты, Виргил Брайс!

Лавиния поворачивает к ней.

– Ну, давай! Теперь твоя очередь – что такого, если ты тоже так не скажешь?

– Да пошел ты, Виргил Брайс, – тихо произносит Луиза.

– Мямлишь! – Лавиния хватает ее за руку. – Еще разок!

– Да пошел ты, Виргил Брайс!

– Да Господи Боже. Да пошел ты, Виргил Брайс!

– Да пошел ты, Виргил Брайс.

– Да пошли вы, все мужики мира.

Как же здорово прокричаться.

– Да пошли вы, все мужики мира!

Огонек гаснет.

– Давай напьемся, – предлагает Луиза.

Что они и делают.

Они уговаривают две бутылки шампанского прямо в парке, и нет ничего, кроме звезд у них над головами и рельсов, сходящихся где-то далеко по обе стороны от них. Они пьют, и Лавиния рассказывает Луизе обо всех местах, куда они вместе отправятся, когда закончат свои рассказы и станут великими писательницами – обе. В Париж, в Рим и в Триест, где жил Джеймс Джойс, в Вену посмотреть на картины и на карнавал в Венецию.

Лавиния никогда туда не поедет.

Она скоро умрет. Вы это знаете.

Они снова фотографируют. Лавиния в снегу. Лавиния на заборе. Лавиния и Луиза: наклоняются, вот-вот упадут.

Они выкладывают фото в Сеть.

– Тебе надо на «Фейсбуке» добавить его в друзья, – говорит Лавиния.

– Кого?

– Рекса. Он же теперь там есть, да?

Луиза ищет.

– Да.

– Добавь его. И Хэла тоже.

Луиза щелкает «Добавить в друзья».

Они пьют, пока не начинают вертеться звезды. Облокачиваются друг на дружку. Валяются в снегу и делают «снежных ангелочков».

– Эй, Луиза?

– Что?

– Ты прочтешь мой роман?

– Конечно.

Лавиния резко садится.

– Фантастика. Так давай и начнем.

– Погоди, прямо сейчас?

Лавиния уже стоит.

– Да тут совсем недалеко!

– Два часа ночи!

– Вот именно, тебе нет никакого смысла переться в Заднепроходье, Бруклин, так, что ли? Можешь и у меня перекантоваться.

Она так очаровательна, когда просит.

– Ой, только не говори «нет», Луиза. Пожалуйста… пожалуйста… пожалуйста, не говори «нет»!

Луиза не может сказать «нет».

Они едут на такси домой к Лавинии. Лавиния расплачивается.

Широченная юбка Лавинии цепляется за дверь машины. Луиза вытаскивает ее. Лавиния куда пьянее, чем думала Луиза, и ей приходится тащить ее до самой квартиры. Ей не в тягость. «Как хорошо быть нужной», – думает она.

– Наконец-то дома!

Лавиния вваливается во входную дверь.

– Господи, как же тут пусто. Терпеть не могу, когда Корди уезжает. – Она медленно шагает к чайнику. – Чаю попьем. С берегов Азии! С Эждвер-роуд. Тебе с шоколадом и карамелью или с лавандой и мятой? И еще музыку надо поставить! Под настроение! Для атмосферы! – Она пробирается к компьютеру и врубает вагнеровскую «Тристана и Изольду» на такую мощь, что Луиза беспокоится, как бы не услышали соседи, не спустились и не закатили скандал.

– Ну и услышат! – пожимает плечами Лавиния. – Да пошли они все! Если что и нужно в Верхнем Ист-Сайде, так это побольше Вагнера!

Она еще добавляет громкости.

– Обожаю вот это место. – Она падает на диван и закрывает глаза.

Луиза заваривает чай, потому что больше некому.

– Хочешь, молока добавлю?..

– Тс-с-с.

Луиза добавляет в чай молоко.

– Это дуэт влюбленных. Они одни в целом мире. Только он и она.

Луиза приносит чай.

– Слушай!

Луиза слушает.

– Но это всегда ненадолго, верно? В конце концов все рушится. Так ведь?

– Так, – соглашается Луиза. Она ставит чай на стол. – Рушится.

– Боже, ты такая загадочная – прямо обожаю! Блин – мой халат! – Она куда-то указывает длинной рукой. – Он у меня в спальне.

Луиза приносит халат. Шелковый, пепельно-синий в мелкий цветочек, весь в пятнах и очень непрактичный. Она помогает Лавинии надеть его.

Луиза садится на диван рядом с Лавинией. Лавиния гладит ее по голове.

– Три часа ночи.

– Знаю. Знаю. Но… хоть одну главку, ладно? Потом… можешь лечь на кровати Корди… а завтра я встану пораньше и сготовлю нам оладьи перед твоей сменой, идет?

– Только одну главку?

– Только потому, что твое мнение для меня что-то значит! Тебе это должно льстить! – тихонько скулит Лавиния и задирает ноги на дорожный кофр. – Знаешь, твой бы рассказ я до утра читала. Если бы ты его мне дала. – Она вытаскивает телефон. – Вот, – говорит она. – Он весь тут.

Яркий дисплей слепит глаза. Шрифт такой мелкий.

Луиза начинает листать текст.

– А длинный он?

– Да ты начни. Если не понравится, можешь бросить. Слово даю.

– Я едва буквы разбираю.

– Мне хочется увидеть твою реакцию. Это лучший способ. Если я вижу твое лицо. Знаешь, он не обязательно должен тебе нравиться. На самом деле, если он слишком тебе понравится, я не стану тебя уважать. Так что он, наверное, придется тебе не по вкусу, самую чуточку.

– Да ладно тебе – вовсе и не придется!

Но вот в чем штука: Луизе он не по вкусу.

Дело не только в том, что роман плохой. Он плох – манера слишком витиеватая, предложения слишком длинные, литературные аллюзии слишком натянутые, и через строчку идут цитаты или монологи персонажа о природе Жизни и Искусства, или же персонаж совершает нечто чересчур символичное, но это ему не очень удается. Куда хуже то, что роман потакает слабостям автора. Там есть персонаж по имени Лариса, которая очень красивая, очень блондинистая и типа как бы святая, потому что ее страсти куда величавее, куда важнее и куда значимее, чем у всех остальных.

Даже Луизе известно первое правило хорошего писателя – никогда не допускать, что твоя жизнь куда важнее жизней всех остальных лишь потому, что ты так заявляешь. А Лариса хочет прожить Жизнь как Искусство, вот только, разумеется, не может, поскольку никто вокруг нее не понимает концепций вроде Красоты и Истинной Любви так же, как она. Поэтому она пытается подбить на одновременное самоубийство своего возлюбленного, который, разумеется, не достоин ее и, конечно же, не может решиться на подобное, и поэтому она без видимых причин бросается с моста одна-одинешенька.

Луиза испытывает массу чувств, но ни одно из них не демонстрирует.

Она в смущении, словно застала кого-то за просмотром порнухи. Ей кажется, что она смотрит на что-то разверзнутое и дрожащее, что-то вывороченное и низменное.

Еще она злится, потому что во всем написанном Лавинией ощущается очень твердая уверенность, что мысли Лавинии, страсти Лавинии, философия Лавинии

и страдания Лавинии стоят многих часов чьего-то времени, а Луиза никогда не чувствует такой уверенности.

К тому же Луиза испытывает облегчение.

Есть нечто, что есть у нее и чего нет у Лавинии.

* * *

У Луизы слипаются глаза. Она устала, ей хочется спать – как же хочется спать – но Лавиния смотрит на нее, ползает на коленях по дивану, кивает, улыбается, и если Луиза хоть немножечко – самую малость – выдаст то, что она чувствует, она никогда не сможет ничего вернуть назад.

– И что ты думаешь? – спрашивает Лавиния, затаив дыхание.

Луиза мнется.

– Твое мнение – что плохо.

– Нет! Нет… По-моему, совсем не плохо!

Лавиния издает короткий смешок.

– Я сомневалась.

– Хорошо! Это… Я и говорю, что хорошо!

– Но?

Луиза делает глубокий вдох.

Лавиния делает глубокий вдох.

– Но… ничего…

– Да ладно тебе! – Лавиния хлопает Луизу по руке. – Что-то же ведь всегда есть.

– Просто…

– Да?

– В смысле… Лариса – это, конечно же, ты.

– А почему «конечно же».

Лавиния быстро хлопает глазами.

– В смысле – имя.

– Ну, имя – конечно.

– Хочу сказать… Мне интересно. – Теперь Луизе надо быть осторожной. – В смысле, мне интересно, не так ли много совпадений.

– Слишком много? Мне можешь сказать. Я вынесу. Вынесу. Говори.

– Нет. Нет… не слишком много. Просто… совсем недалеко от главной героини, верно?

– А это что бы значило?

Такое лицо у Лавинии Луиза уже видела. Под Новый год, когда Мими порвала ей платье.

– Ничего.

– Ты считаешь, что я слишком легко ей все простила, или как?

– Я этого не говорила!

– Извини, – вздыхает Лавиния. – Прости. – Она набрасывает на колени покрывало. – Извини. Ты права. Мне бы надо… Просто устала, вот и все. Устала, и настроение у меня плохое. Надо было отпустить тебя домой.

Она натягивает покрывало до подбородка.

А Луиза думает: «Не может быть, чтобы она так поступила».

«Ты дура, что так думаешь о ней, – размышляет Луиза. – Ты дрянь, что так думаешь о ней. Она просто забыла. Вот и все. Просто попросись остаться – просто напомни ей – вот и все, что надо сделать. Нельзя всегда плохо думать о людях».

Лавиния уже лежит с закрытыми глазами.

А Луиза, она знает, что ей всего-то и нужно сказать: «А все-таки классно, если я останусь, верно?» Но она так боится, что Лавиния ответит «да», в душе подразумевая «нет», что Лавиния приготовит оладьи, а потом больше никогда ей не позвонит, потому что Луиза облажалась, потому что, конечно же, конечно, она облажалась вчистую. Никто и никогда не хочет знать о себе правду, никогда, и ей, разумеется, уж нужно это понять лучше, чем любому другому.

Будет так легко, считает она, просто попросить того, чего она хочет.

– Мне очень нравится, – произносит Луиза.

Лавиния сразу же открывает глаза.

– Правда?

– Я вот именно это пыталась сказать. Это… так эмоционально. Так… прямо по нервам.

– Серьезно? Ты серьезно так думаешь?

– Ты станешь великой, Лавиния. Ничуть не сомневаюсь. Ни малейшей секундочки.

В ту ночь Луиза впервые понимает, какая же Лавиния еще молодая.

Ей так легко наврать.

Это второе, что понимает Луиза.

Лавиния обнимает Луизу и так прижимает к себе, что той становится трудно дышать.

– Господи, как же я тебя люблю, – говорит она. – Ты даже не представляешь, что это для меня значит. – Она прикрывает ноги Луизы покрывалом. – Я бы никому не доверила прочитать роман, даже Корди. Никому, кроме тебя.

Луиза кладет голову Лавинии на плечо. Лавиния сжимает ее руку.

Луиза думает: «Нас нельзя одновременно познать и любить».

Луиза знает, что все очень просто. Все люди делятся на две категории: тех, кого можно обманом заставить тебя любить, и тех, кто достаточно умен, чтобы не купиться на твои уловки.

В тот день, когда Луиза в самый первый раз покрасила волосы, в тот месяц, когда только обосновалась в Сансет-парке, когда она купила книгу с мантрами, поменяла номер и забанила Виргила Брайса в социальных сетях, она посмотрелась в зеркало и впервые в жизни поняла, что она сексапильна.

Было такое чувство, словно что-то сходило ей с рук.

Ей понадобился месяц, чтобы в полной мере это осознать. Сначала уличные приставалы, потом мужчины постарше в барах, потом почти ее ровесники в барах и на сайте знакомств, когда она еще им пользовалась (полигамный субъект, «закидонщик» и ее виртуальный двойник). Мужчины думали, что она особенная.

Они так считали, сами понимаете, потому что тупые.

Они не замечали настоящую Луизу.

Просто Луиза выглядела блондинистой, стройной и хорошенькой, и у них не хватало ума додуматься, что все это и есть она, а не нечто напускное. И поэтому у них не хватило ума осознать, что ее остальные качества (она такая острая на язык, такая умная и такая раскованная в постели) – тоже ее неотъемлемая часть.

Конечно же, все проходит. Луиза это знает. Людей нельзя дурить вечно, даже самых тупых. Они понимают, что все хорошее в тебе – просто уловки.

Луиза думает, что обдурила Лавинию, так что Лавиния наверняка глупее ее. Она ненавидит себя за то, что так думает о Лавинии, от которой видела только добро, но все равно продолжает так думать.

Разве что Лавиния не сказала бы «Езжай домой», поскольку знала, что Луиза не может… в такое время и в такой холод…

И за такие мысли Луиза бы тоже себя возненавидела.

– Эй, Луиза?

Лавиния лежит в полудреме.

– Что такое?

– Ты не думаешь, что я, типа… слишком того, правда?

– Слишком того?

– В смысле… Знаешь… Слишком того. Во всем.

– Нет, – отвечает Луиза. – Конечно, нет. А я слишком того?

– Конечно, нет, – бормочет Лавиния. – Ты… В смысле… Ты – противоположное к «слишком того».

Луиза молчит.

– Я люблю тебя.

Лавиния начинает похрапывать у нее на плече.

Луиза пытается уснуть на диване, потому что если она двинется, то разбудит Лавинию. Она играет с телефоном. Читает дурацкие статейки на «Мужененавистничестве».

Ей хочется плакать.

Луиза ненавидит себя за то, что ей хочется плакать, потому что провела такой дивный вечер – не с придурками в книжном магазине. А потом они устроили такой классный праздник, проникли в парк «Хай-Лайн», сожгли платок Рекса, словно символическое чучело всех мужчин, где-то и когда-то их обидевших, столько раз ездили на такси, за которые Луизе даже не пришлось платить. А теперь Луиза спит в такой прекрасной квартире в окружении таких красивых вещей, и есть кто-то, кто сжал ей руку и сказал: «Я люблю тебя». И все, что они сегодня проделали – есть все то, что Луиза в Девоншире с радостью, гордостью и полным основанием была бы счастлива видеть Луизу проделывающей теперь в Нью-Йорке.

«Ты просто дура, – говорит она себе. – Вот и все».

Она, не отрываясь, смотрит на их с Лавинией фотографию, которую та выложила в Сеть.

Они в парке. Вокруг них снег, ветви деревьев и звезды, которые через этот фильтр даже нельзя отличить от городских огней.

«Мы тут такие счастливые», – думает Луиза. Может, они и были счастливы.

Все ставят под фотографией «лайки». Отец Рамилос, Гевин Маллени и даже Беовульф, а еще очень много других людей, чьи имена теперь, по крайней мере, хоть чуточку ей знакомы.

Мими Кей.

Привет мать.

Мими добавила Луизу в друзья в «Фейсбуке».

Просто супер смотришься на фотках.

Эмодзи весело подмигивающего кошачьего глаза.

Спасибо (отвечает Луиза).

(Мими ставит игривую лису с глазами-сердечками)

Там разве не классно?

(Пляшущая жаба в очках-колесах)

Да было классно спасибо.

Мы с Лавинией все время так отрывались ха-ха-ха.

Однажды даже спали там.

Легавые нас взяли, но Лавиния нас отмазала.

Ну не смехота ведь.

(Курица в клоунском гриме)

А ты не думаешь что это смехота?

(Сова с укоризненным взглядом в академической шапочке, мантии и очках)

Луиза не отвечает.

И тоже не спит.

Глава 3

Третья вечеринка, куда Лавиния берет Луизу – это сборище на Джефферсон-стрит на линии L в культурном пространстве, которым заправляет один ее знакомый, где переделали весь верхний этаж под библиотеку поэзии. Четвертая вечеринка, куда Лавиния берет Луизу – благотворительное танцевальное действо в театре Лори Бичман в Адской кухне, где всем, кроме Луизы и Лавинии, по девяносто лет, у них татуаж на веках и накидки в блестках. Пятая – праздник в Грамерси по поводу выхода огромной тяжеленной книги под названием «Сексуальные тайны Европы», написанной австралийским писателем-декадентом и путешественником по фамилии Лидгейт, которому, наверное, пятьдесят пять лет, но выглядит он на восемьдесят, и там Луиза в первый раз нюхает кокаин и несется наперегонки с Лавинией по всей Первой авеню.

Они ходят по вечеринкам, куда никого из них не приглашали.

– Все просто, – объясняет Лавиния. – Приходишь, и делу конец.

Они делают себе одинаковые татуировки. Это идея Лавинии.

– Никогда не хочу забывать ту нашу с тобой прогулку к морю, – говорит она. – Хочу все время вспоминать ту ночь. Хочу ее увековечить.

Они стоят на площади Св. Марка, где помещается самое дорогое и самое негигиеничное место в Нью-Йорке, где делают татуировки. Они выпивши, поскольку заглянули в кабачок, куда можно попасть лишь через телефонную будку и где нужно записываться за два часа. Чуть раньше они забежали в парфюмерный магазин на Восточной Четвертой улице, где Лавинии надо было сделать заказные духи под названием «Томление», запах которых Луиза чувствует у себя на всей одежде, и в тот вечер Луиза заполучает свой собственный парфюм (поскольку Лавиния и за него платит), сделанный из одуванчиков, папоротника, табака и вереска, но когда она теперь его нюхает, то думает, что запах у него совсем не тот, что нужно, поскольку он нисколько не похож на запах духов Лавинии.

– Да ладно тебе, – заявляет Лавиния. Она заходит в паршивое заведение, о котором даже Луизе известно, что его посещают лишь первокурсники из Нью-Йоркского университета. – Господи, Луиза, разве тебе не хочется жить?

Спустя два часа Луиза трезвеет в Вашингтон-сквер-парке и понимает, что у них обеих на предплечьях красуются вытатуированные маленькими буквами слова «БОЛЬШЕ ПОЭЗИИ!!!», и не ужасается этому, как следовало бы.

– В самом худшем случае, – пожимает плечами Луиза, – ты сможешь свести ее лазером. Не так уж это и дорого.

Она приставляет свою руку к руке Луизы.

Они фотографируются вдвоем, держась за руки.

В Интернете масса их симпатичных фотографий. На одной они в Линкольн-центре в промежутке между походом в оперу и костюмированной вечеринкой в гостинице «Макинтайр» снимают вечерние платья и демонстрируют корсеты. На другой они в кутузке на сборище под названием «Твидовый пикник», которое представляет собой флеш-моб в Брайант-парке.

Все, буквально все, их лайкают.

– Ты и вправду выглядишь так, как будто больше за собой следишь, – говорит Луизе ее мать по телефону. – Волосы у тебя просто прелесть.

Луиза красит их с добавлением розоватого оттенка. На Лавинии он смотрится просто прекрасно, считает она, и кожа у них одинакового тона.

Люди из Девоншира лайкают фото – люди, которые едва с ней заговаривали. И Беовульф Мармонт тоже лайкает. А также парень, который писал за нее в профиле.

И не раз.

* * *

Луиза принимается заканчивать свои рассказы. Она даже рассылает их по изданиям.

Они с Лавинией сидят на диване в квартире Лавинии, пахнущей ладаном, устроившись за лэптопами и поставив таймер на час. Они пишут, и хотя Лавиния половину отведенного времени скучает и встает, чтобы заварить чай с корицей, изюмом и финиками, а потом и о нем забывает, Луиза сидит и печатает. Лавиния заказывает им ужин в ресторане «Симлесс», и так славно поглощать еду, приготовленную кем-то, а потом не убирать со стола.

– Это самое малое, что я могу сделать, – говорит Лавиния. – Ты держишь меня в правильных рамках. Ты меня вдохновляешь.

После вечеринки в «Скрипаче» в честь дня Св. Валентина Луиза отсылает Гевину Маллени свой очерк о Девоншире. Рассказ не из тех, который ей уж очень хочется писать, ведь он о якобы проведенной в Академии неделе, поскольку она не любит писать о себе, но она делает его в репортерском стиле о безумном происшествии, случившемся с ней на втором курсе, когда пара ребят из Академии спятили и сбежали, а вся полиция за ними гонялась. Гевину очерк нравится.

Я не очень-то большой поклонник повествовательного стиля, отвечает Гевин, и к тому же мне лично не очень близки приемы вроде создания образов, поскольку

лично я не слишком сочувствую людям, но вещь читается на ура, и людям, очевидно, очень нравятся истории, в которых присутствуют яркие эмоции.

Ты можешь ее твитнуть, когда у тебя выдастся возможность?

Спустя несколько дней он предлагает ей поболтать с его второй по списку персоной из всех, с кем он встречается (он ведет таблицы), с женщиной по имени Мишель-Анна, которая ушла из «Мужененавистничества», чтобы основать новый, более многогранный журнал под названием «Новое мужененавистничество». Луиза соглашается.

Луиза позволяет себе глупить.

Она перестает уделять столь пристальное внимание деньгам (каким-то образом, даже когда Лавиния за все платит, Луиза все время остается на мели, и сама точно не знает, почему). Она начинает манкировать работой для «ГлаЗама». Она начинает есть хлеб (Лавиния обожает круассаны от «Агаты и Валентины» и настаивает на покупке целой дюжины, хотя сама съедает лишь один). Она начинает доверять людям, как им доверяет Лавиния, уверившись в убеждении, что мир хорошо упорядочен и логичен и в нем никогда не случится ничего непоправимого.

Луиза перестает ждать конца света.

Пока однажды вечером он едва не наступает.

В тот вечер Луиза так счастлива. Они отправились на вечеринку, которую давал художник, делающий эротические иллюстрации для серии книг «Русский балет», устроенную в музее гей-культуры в Нижнем Ист-Сайде, и они так поздно засиделись в коктейль-баре, отделанном в стиле Марии-Антуанетты, и Луиза так довольна, что выпивает последний бокал шампанского, о котором знает, что он уж точно лишний. Она долго и медленно едет домой, а когда выходит из поезда, то поет.

Луиза никогда не поет.

Когда она шагает к дому, она всегда горбится. Держит руки в карманах. Смотрит прямо перед собой. И сжимает в пальцах ключи.

Всегда.

Но сегодня вечером Луиза в подпитии, и Лавиния пригласила ее в оперу через пару недель и пообещала сшить ей платье. Разумеется, шитье ложится на Луизу, но Лавиния купит материал и винтажную базу, и у них так много великих планов, так что Луиза тихонько напевает песню «Пока течет время», потому что ее без конца играли на вечеринке в «Русском балете», и оставляет ключи в сумочке.

– Голосок у тебя ничего себе, малышка.

Он всегда на своем «посту».

Сегодня Луиза его не боится. Она откидывает свои розовато-белокурые волосы и одаривает его всесокрушающей улыбкой, которой Лавиния удостаивает барменов, когда той не хочется за что-то платить.

– Может, дашь мне уроки пения.

– Нет уж, спасибо!

Она почти бежит.

– Как тебя зовут?

– А тебе-то какое дело?

Господь на небесах, думает Луиза той частью головы, что еще способна соображать, и все праведно в этом мире.

– Я спросил, как тебя зовут?

– Артемезия Джентилески! – Она размахивает руками.

– Ты мозги мне пудришь?

Парень совсем рядом. Она так и не понимает, как он близко.

– Эй! Я тебе вопрос задал!

Он хватает ее за руку.

Вот в чем штука: себе можно врать лишь до какого-то предела. Можно притупить инстинкты, если хочется – можно перепить, можно смеяться, улыбаться, без конца подкрашивать губы и говорить: «Давай упьемся поэзией и добродетелью», можно делать вид, что ты человек – ненадолго. Но, в конечном итоге, ты та, кто ты есть.

Кто-то подходит слишком близко – ты бежишь.

Он за тобой – ты бежишь быстрее.

Он тебя нагоняет – ты останавливаешься.

Оборачиваешься.

Он в нерешительности.

Ты делаешь то, что должна.

Если ты достаточно ленива, глупа и самонадеянна для того, чтобы забыть сжать ключи в пальцах – один раз, в тот самый раз, когда ты достаточно ленива, глупа и самонадеянна, чтобы не зажать ключи в пальцах, – ты используешь все, что у тебя есть.

Локти. Ногти. Зубы.

Ты бьешь незнакомца прямо в глаз, прежде чем он сможет тебе сказать, что хочет тебя изнасиловать или же что ему просто нравится твоя улыбка.

Ты бьешь его, царапаешь, таскаешь за волосы и даже пинаешь прямо между ног, пока не убедишься, что он валяется на земле.

Пинаешь еще разок на случай, если ему все же захочется броситься за тобой.

И бежишь.

Луизу трясет, пока она не оказывается на лестнице.

Она не позволяет себе заплакать, пока не попадает в квартиру.

Она не дает себе закричать. Не теперь. Никогда. Она лишь прижимает к груди кулак, кулак со ссадиной там, где он ее схватил, и надписью «БОЛЬШЕ ПОЭЗИИ!!!», заживающей у нее на предплечье, она дышит очень медленно, размеренно и глубоко, от такого дыхания колет и давит в груди, но не издаешь ни звука.

Вот дурочка, думает она. Ты заслуживаешь всего плохого, что с тобой случается.

Может, это полная луна. Может, это ярко светят звезды. Может, это сигареты пахнут, как ладан.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/berton_tara/ukradennoe-lico

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить